

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, приключеній, науки и литературы.

Контора журнала: Москва, Тверская, д. № 48. Тлф. 5-39-39. — Редакция: Пятницкая, д. № 81. Тлф. 3-62-58.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовые марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, домъ № 48, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина. За перемѣну адреса уплачивается городскими и иногородними подписчиками 30 коп. почтовыми марками. Отдѣльный № журнала 10 к., съ книгой — 50 к. (съ перес.).

о о о УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1917 г. о о о
50 №№ журнала, 36 книгъ 1 серии полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Жюль Верна, 12 №№ иллюстр. ежемѣсячника Журналъ Приключеній и 12 вып. иллюстрированнаго руководства общественнаго и практическаго самовоспитанія молодежи по системѣ „скаутингъ“, сочиненіе Р. Баденъ Поуэля.
Подписная цѣна со всеми приложениями, безъ дѣленія на обонемента, на годъ **14 р.** Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, 5 р. къ 1 апрѣлю и 4 р. къ 1 юлю.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ журналъ „Вокругъ Свѣта“ по 80 коп. за строку непарелли позади текста и 1 руб. впереди принимаются въ Москвѣ — въ конторѣ журнала: Тверская, домъ Т-ва И. Д. Сытина, № 48; въ Петроградѣ — въ конторѣ объявленій Дальштремъ, Екатерининскій каналъ, 27 и въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій, 68.

ВЪ ОГНЕННОМЪ ПЕКЛѢ.

Разсказъ изъ жизни незамѣтныхъ героевъ.

Одинъ изъ красивѣйшихъ подвиговъ храбрости и самопожертвованія, подвигъ, требующій почти сверхчеловѣческаго геройства, былъ совершонъ Джономъ Смитомъ, скромнымъ рабочимъ на одномъ сталелитейномъ заводѣ въ Шеффилдѣ.

Это произошло часовъ въ восемь вечера, въ субботній день, въ литейномъ отдѣленіи, когда рабочіе ночной смѣны вынимали изъ отливочной ямы массивный, раскаленный докрасна стальной слитокъ, вѣсящій двадцать шесть тоннъ.

Для всякаго посторонняго человѣка навѣстить одинъ изъ такихъ заводовъ и войти въ одну изъ отливочныхъ мастерскихъ — это все равно, что войти въ самый адъ. Всюду кругомъ — чисто рембрантовскія свѣтъ и тѣни, которые привели бы въ восторгъ великаго художника, но которые производятъ ужасающее впечатлѣніе на непривычнаго человѣка. Шумъ стоитъ оглушительный, невѣроятный. Паровые молоты падаютъ съ глухимъ гуломъ; желѣзные плиты и брусья отбрасываются въ сторону съ металлическимъ звономъ, который разносится далеко кругомъ; реветъ паръ подъ высокимъ давленіемъ; визжать паровыя пилы, рѣжущія раскаленный добѣла металлъ; машины пульсируютъ, дрожать и гудятъ съ энергіей, которая производитъ прямо жуткое впечатлѣніе, такъ какъ при этомъ кажется, что онѣ дѣйствуютъ самовольно, не подчиняясь контролирующей рукѣ человѣка. Другія машины стоять, можетъ-быть, спокойно, но въ своемъ спокойствіи кажутся страшными, мрачными, таящими въ себѣ невѣдомыя угрозы. А надъ общимъ гуломъ вдругъ раздается порой такой грохотъ, что вамъ представляется, будто произошло вулканическое изверженіе.

Ради всего святаго, что это было? Да ничего особен-

наго! Только то, что происходитъ здѣсь ежечасно, каждый день: рабочіе опрокинули бессемеровскій «ковшъ» и изъ него льется нѣсколько десятковъ тоннъ того, что похоже съ виду на текущій огонь, но что въ дѣйствительности есть не что иное, какъ расплавленный металлъ. Языки пламени въ тридцать-сорокъ футовъ вышины взвиваются отъ него и жадно лижутъ все кругомъ — языки пламени радужныхъ цвѣтовъ, разбрасывающіе вокругъ себя и высоко въ воздухъ искры такихъ же радужныхъ, разнообразныхъ цвѣтовъ. Фейерверкъ, могущій

заткнуть за поясъ любое представленіе специалиста-пиротехника!

А среди этого пекла, этого шума, этого яркаго свѣта копошатся полуобнаженные человѣческія фигурки, словно демоны, служащія богу Огня.

Обливаясь потомъ, очернившія отъ дыма и сажи, онѣ, тѣмъ не менѣе, двигаются спокойно, ритмически и дѣловито, словно нѣтъ кругомъ нихъ всего этого жуткаго, страшнаго. Онѣ управляютъ пылающими горнами, ревущими вальцами и гудящими машинами. Какъ мифологическія саламандры, онѣ словно ходятъ среди огня, дышатъ огнемъ, играютъ съ огнемъ.

Въ такой-то обстановкѣ былъ совершонъ геройскій поступокъ, о которомъ мы хотимъ здѣсь разсказать.

Джонъ Смитъ работалъ около такъ называемаго «открытаго» горна. Эти горны устраиваются около самой отливочной ямы, съ которой они соединяются подземнымъ тоннелемъ. Такой методъ примѣняется при изготовленіи стали по способу Сименсъ-Мартенса,

Какимъ-то образомъ несчастный Бэнъ сорвался и упалъ въ отливочную яму.

при которомъ сталь изготовляется непосредственно изъ желѣзной руды, а не изъ чугуна.

Одинъ изъ товарищей Джона Смита, Бенджаминъ Стэнли, долженъ былъ прикрѣпить цѣпь подвижного крана, которому предстояло поднять изъ отливочной ямы огромную, до-красна раскаленную массу. Какимъ-то образомъ несчастный Бэнъ сорвался и упалъ въ яму. Можетъ-быть, страшный жаръ, поднимавшійся отъ слитка, вызвалъ у него головокруженіе, или нестерпимо яркій свѣтъ ослѣпилъ его, такъ что онъ не видѣлъ, куда ставилъ ногу, но во всякомъ случаѣ онъ упалъ въ яму. Однако какимъ-то чудомъ онъ упалъ не на раскаленную стальную колонну, а въ узкое пространство между ней и стѣной—*пространство шириной въ два съ четвертью фута всего!*

Упавъ онъ на сталь, онъ бы, разумѣется, моментально обуглился весь, и не было бы ни малѣйшей возможности спасти его. Но и такъ шансовъ на спасеніе было очень мало, потому что лежалъ онъ рядомъ съ до-красна раскаленной огромной, въ двадцать шесть тоннъ, колонной стали, въ ямѣ глубиной въ пятнадцать футовъ, лежалъ оглушенный или расшибшійся отъ паденія, въ полной мѣрѣ подверженный страшному жару, излучаемому стальнымъ колоссомъ.

Стэнли былъ одѣтъ только въ брюки и башмаки, и его скудная одежда сразу же начала тлѣть, а затѣмъ по ней побѣжали сотни крошечныхъ язычковъ пламени. Товарищи наверху въ ужасѣ отшатнулись отъ края ямы и закрыли лицо руками, чтобы не видѣть этого страшнаго зрѣлища.

Всѣ—кромѣ одного, храбраго, самоотверженнаго Смита. Онъ одинъ не потерялъ способности мыслить и дѣйствовать. Быстрѣе мысли, онъ схватилъ желѣзную лѣсенку, которая стояла рядомъ, и проворно опустилъ ее въ смежную «тиглевую» яму.

Эта «тиглевая» яма была пуста и ею не пользовались въ тотъ день для работы.

Опустивъ лѣсенку, онъ моментально сталъ по ней спускаться внизъ. Его спѣшка была такъ велика, что лѣсенка перевернулась подъ нимъ и онъ неловко упалъ, слегка ушибшись. Но онъ сразу же опять вскочилъ на ноги и черезъ соединительный тоннель побѣжалъ на помощь къ товарищу.

Когда онъ достигъ отливочной ямы, его сразу встрѣтилъ нестерпимый, палящій жаръ, который шелъ отъ стального колосса въ центрѣ ямы. Какъ и Стэнли, Смитъ былъ одѣтъ только въ брюки и башмаки. Его обнаженный торсъ, его лицо и руки не были ничѣмъ защищены отъ страшнаго жара, способнаго въ одинъ мигъ обратить въ пепелъ лоскутокъ бумаги.

Стэнли упалъ съ другой стороны стального колосса, такъ что Смитъ нужно было обойти кругомъ раскален-

ную сталь, чтобы добраться до него. А между сталью и стѣной пространство было всего въ два съ четвертью фута!

Съ одной стороны находилась эта раскаленная до-красна колонна, малѣйшее прикосновеніе къ которой пальцемъ, локтемъ или плечомъ превратило бы данную часть тѣла въ уголь. А съ другой стороны приходилась круглая каменная стѣна ямы, тоже до того накалившаяся, что до нея невозможно было дотронуться.

Большинство людей не рѣшилось бы итти дальше при такихъ условіяхъ, и трудно было бы осудить ихъ за это.

Но Джонъ Смитъ не колебался ни одного мгновенія. Прикрывая руками лицо, и особенно глаза, онъ смѣло началъ опасный путь.

Воздухъ въ ямѣ былъ полонъ удушливыхъ паровъ, исходившихъ отъ раскаленнаго металла, и этимъ жгучимъ ядовитымъ воздухомъ онъ дол-

женъ былъ дышать! Кожа на обнаженныхъ рукахъ и туловищѣ скручивалась отъ жары, волосы, рѣсницы и усы сразу опалились, глаза были наполовину ослѣплены, брюки тлѣли, обжигая тѣло внизу. Тѣмъ не менѣе, Смитъ шелъ все дальше и дальше и скоро добрался до безпомощнаго Стэнли, который уже былъ охваченъ пламенемъ, потому что вся одежда на немъ горѣла.

Джонъ Смитъ нагнулся и, несмотря на ожоги, которые онъ получилъ при этомъ, и на рискъ упасть вмѣстѣ со своей ношей въ этомъ тѣсномъ двадцати-семи-дюймовомъ пространствѣ, поднялъ Стэнли на руки и поспѣшно двинулся обратно къ выходу изъ ямы.

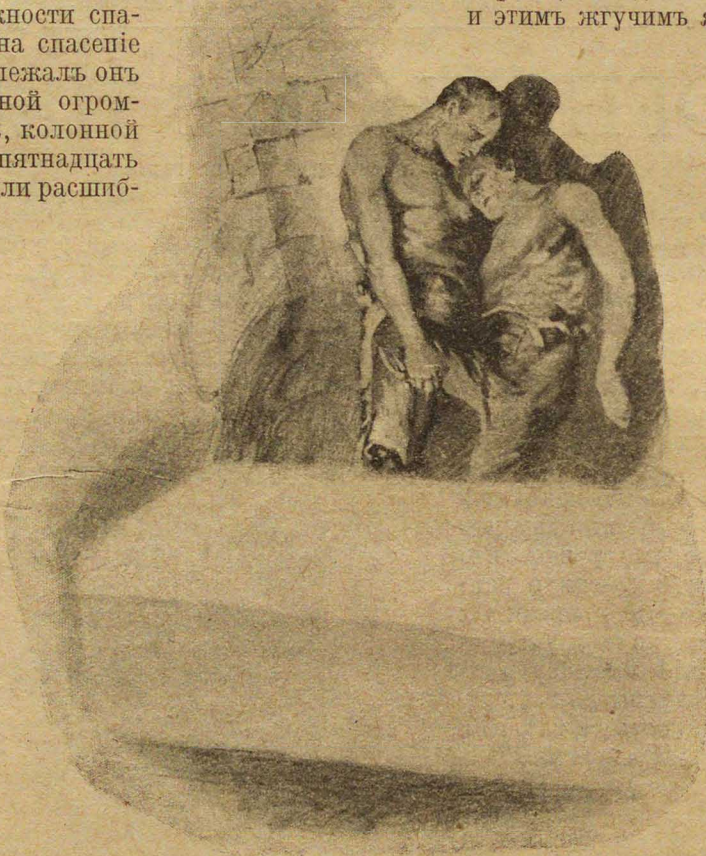
Во всей этой изумительной исторіи далеко едва ли не удивительнѣе всего то, какъ Смитъ вернулся въ тоннель, ни разу не задѣвъ ни самъ, ни своей безпомощной ношей раскаленнаго

металла, мимо котораго онъ шелъ почти безъ сознанія, полуслѣпой.

У него еще какъ разъ хватило силъ войти задомъ въ тоннель вмѣстѣ съ Стэнли, а затѣмъ онъ упалъ безъ чувствъ на своего товарища, ради спасенія котораго онъ рискнулъ жизнью.

Но тамъ ихъ уже ждали другіе рабочіе. Они немедленно побѣжали, затасили пламя на горящей одеждѣ, потомъ осторожно отнесли спасителя и спасеннаго по лѣсенкѣ наверхъ, гдѣ имъ сразу же оказали первую медицинскую помощь.

Смитъ пришелъ въ себя раньше, чѣмъ его отнесли въ больницу. Онъ получилъ страшные ожоги, но подѣ заботливымъ уходомъ оправился въ концѣ-концовъ. Стэнли же умеръ черезъ три дня. Разумѣется, за свой геройскій поступокъ Смитъ получилъ медаль.

Смитъ поднималъ Стэнли на руки и поспѣшно двинулся къ выходу.

СВЯЩЕННЫЙ ЦВѢТОКЪ

Романъ Райдера Хаггарда.

VIII. Магическое зеркало.

В эту ночь я спалъ плохо, такъ какъ продолжительное напряженное состояніе сказалось на моихъ нервахъ. Кромѣ того, кругомъ стоялъ порядочный шумъ. Тѣла убитыхъ носильщиковъ были переданы ихъ товарищамъ, которые попросту бросили ихъ въ кусты, гдѣ они привлекали вниманіе тѣнь. Четверо раненыхъ, лежащихъ недалеко отъ меня, сильно стонали, а когда не стонали, то громко молились своимъ богамъ. Мы сдѣлали все, что могли, для этихъ несчастныхъ людей. Добросердечный трусишка Самми, нѣкогда исполнявшій въ госпиталѣ обязанности фельдшера, перевязалъ имъ раны, изъ которыхъ ни одна не была смертельной, и время отъ времени навѣщалъ ихъ.

Но что больше всего не давало мнѣ покоя—это невообразимый гамъ, доносившійся изъ расположеннаго внизу невольничьяго лагеря. Многія племена тропической Африки имѣютъ обыкновеніе не спать по ночамъ, я полагаю, потому, что ночь прохладнѣе дня. Въ данномъ случаѣ это обыкновеніе сильно давало о себѣ знать. Казалось, что каждый изъ освобожденныхъ невольниковъ вылъ, насколько могъ громко, подъ аккомпанементъ грохота желѣзной посуды, въ которую они, за неимѣніемъ барабановъ, колотили палками. Кромѣ того, они развели огромные костры, среди которыхъ злобѣще мелькали ихъ фигуры, напоминая мнѣ средневѣковое изображеніе ада, видѣнное мною въ одной старинной книгѣ.

Наконецъ я не выдержалъ и, разбудивъ Ханса, спавшаго, свернувшись словно собака, у моихъ ногъ, спросилъ его, что тамъ происходитъ. Его отвѣтъ заставилъ меня раскаться въ своемъ вопроѣ.

— Среди этихъ невольниковъ, баазъ, есть много людей дождовъ. Я думаю, что они ѣдятъ арабовъ и потому веселятся,—сказалъ онъ, зѣвая и снова укладываясь спать.

Я не сталъ продолжать этого разговора.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда мы на слѣдующее утро тронулись въ дальнѣйшій путь.

Передъ этимъ намъ пришлось очень много поработать. Нужно было собрать ружья и патроны убитыхъ арабовъ, зарыть въ землю оставшуюся послѣ насъ въ большомъ количествѣ слоновью кость, такъ какъ взять ее съ собой было и возможно (къ сожалѣнію, мы больше никогда не видѣли этой кости), и распределить между носильщиками багажъ. Кромѣ того, нужно было сдѣлать носилки для раненыхъ и прекратить ужасное пиршество невольниковъ, въ характерѣ котораго я больше не сталъ разбираться. Собравъ ихъ вмѣстѣ, я увидѣлъ, что большое число ихъ исчезло за ночь неизвѣстно куда. Однако еще оставалась толпа болѣе чѣмъ въ 200 человекъ, значительную часть которой составляли женщины и дѣти. У всѣхъ оставшихся, казалось, была одна мысль: сопровождать насъ, куда бы мы ни пошли. Послѣ всего этого мы, наконецъ, тронулись въ путь.

Описывать наши приключенія въ продолженіе слѣдующаго мѣсяца было бы слишкомъ трудно, если не невозможно, такъ какъ, сказать правду, они нѣсколько перепутались въ моей памяти.

Намъ было очень трудно кормить такую большую толпу невольниковъ, такъ какъ они скоро уничтожили запасы риса и зерна, за умѣреннымъ потрѣбленіемъ которыхъ мы не были въ состояніи присматривать. Къ счастью, страна, черезъ которую мы проходили, въ это время года изобиловала дичью, и мы, подвигаясь впередъ довольно медленно, успѣвали настрѣлять ея въ достаточномъ количествѣ. Но стрѣльба дичи, ставъ для насъ обязанностью, потеряла свой характеръ удовольствія, не говоря уже о большомъ расходу зарядовъ. Это возбудило ропотъ среди зулусскихъ охотниковъ: вся тяжесть этой работы падала на нихъ, такъ какъ Стефанъ и я рѣдко могли оставлять лагерь. Въ концѣ-концовъ я разрѣшилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Выбравъ изъ среды невольниковъ 30 или 40 подходящихъ мужчинъ, я снарядилъ каждого изъ нихъ ружьемъ и патронами (изъ отнятыхъ у арабовъ), при чемъ мы предварительно научили ихъ пользоваться этимъ оружіемъ. Потомъ я сказалъ имъ, что они сами должны добывать пропитаніе себѣ и своимъ товарищамъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ.

Нечаянно былъ застрѣленъ одинъ человекъ и трое другихъ было убито самкой слона и раненымъ буйволомъ. Но, въ концѣ-концовъ, они настолько хорошо научились обращаться съ ружьемъ, что снажили дичью весь лагерь.

Почти каждый день исчезали маленькія группы невольниковъ, отправлявшіяся, я полагаю, разыскивать свои дома.

Когда мы, наконецъ, подошли къ границамъ земли мазиту, при насъ ихъ осталось не болѣе пятидесяти человекъ, включая пятнадцать изъ числа тѣхъ, которыхъ мы обучили стрѣлять.

Тутъ начинаются наши настоящіе приключенія.

Однажды вечеромъ, послѣ трехдневнаго путешествія черезъ непроходимыя кустарниковыя заросли, гдѣ львы унесли одну изъ женщннъ невольницъ, разорвали одного осла и настолько изранили другого, что его пришлось пристрѣлить, мы оказались на концѣ большого, поросшаго травой плоскогорья, поднимавшагося, согласно указанію моего anerоида (родъ барометра) на 1640 футовъ надъ уровнемъ моря.

— Что это за мѣстность?—спросилъ я двухъ нашихъ провожниковъ-мазиту, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы взяли у Хассана.

— Это земля нашего народа, господинъ, — стѣбали они. — Она ограничена съ одной стороны кустарниками, а съ другой — большимъ озеромъ, на которомъ живутъ колдуны-понго.

Я посмотрѣлъ на голое плоскогорье, начинавшее уже принимать коричневую окраску. На немъ ничего не было видно, кромѣ большихъ стадъ козъ, какія часто встрѣчаются нѣсколько южнѣе. Вообще весь пейзажъ казался весьма непріятнымъ изъ-за мелкаго дождя, сопровождавшагося туманомъ и холоднымъ вѣтромъ.

— Я не вижу ни людей вашего племени ни ихъ краалей, — сказалъ я. — Я вижу только траву и дикихъ животныхъ.

— Они придутъ, — нѣсколько нервно отвѣтили проводники. — Ихъ лазутчики, безъ сомнѣнія, слѣдятъ за нами даже теперь, откуда-нибудь изъ высокой травы или изъ какой-нибудь норы.

— Ну, и пусть слѣдятъ! — сказалъ я, и пересталъ объ этомъ думать. Всякій человѣкъ, находящійся въ положеніи, при которомъ что-нибудь *можетъ* случиться (какъ было со мной большую часть всей моей жизни), становится нѣсколько беззаботнымъ по отношенію къ тому, что случится. Что касается меня, то я всегда былъ до нѣкоторой степени фаталистомъ. Поэтому я никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ.

Однако на этотъ разъ (какъ и въ другихъ случаяхъ моей жизни) «завтрашній день» принесъ много такого, надъ чѣмъ нужно было подумать.

Незадолго до зари Хансъ, никогда не спавшій болѣе, чѣмъ спитъ собака, разбудилъ меня и многозначительно сообщилъ, что слышалъ звуки, которые, по его мнѣнію, не что иное, какъ топотъ ногъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

— Гдѣ? — спросилъ я, прислушиваясь, но ничего не слыша. Видно тоже ничего не было, такъ какъ ночь была такъ темна, что хотъ глазъ выколи.

Онъ приложилъ ухо къ землѣ и сказалъ:

— Здѣсь.

Я тоже приложилъ ухо къ землѣ, но ничего не услышалъ, несмотря на то, что обладалъ довольно острымъ слухомъ.

Тогда я послалъ за часовыми, но они тоже ничего не могли услышать. Послѣ этого я снова легъ спать.

Однако оказалось, что Хансъ былъ правъ. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда бывалъ правъ, такъ какъ его слухъ и другія внѣшнія чувства были такъ же тонки, какъ чувства дикихъ животныхъ. На зарѣ меня снова разбудили — на этотъ разъ Мавово, сообщившій, что насъ окружаетъ цѣлый полкъ или нѣсколько полковъ.

Я всталъ и сквозь туманъ увидѣлъ на довольно далекомъ разстояніи отъ насъ ряды вооруженныхъ людей. Свѣтъ зари слабо игралъ на ихъ копьяхъ.

— Что дѣлать, Макумазана? — спросилъ Мавово.

— Завтракать, — отвѣтилъ я. — Если мы должны умереть, то это съ такимъ же успѣхомъ можетъ произойти послѣ завтрака, какъ и до него.

Я позвалъ дрожащаго отъ страха Самми и приказалъ ему приготовить кофе. Потомъ разбудилъ Стефана и объяснилъ ему положеніе дѣла.

— Великолѣпно! — отвѣтилъ онъ. — Это безъ сомнѣнія мазиту. Намъ удалось найти ихъ значительно легче, чѣмъ мы ожидали. Чтобы отыскать кого-нибудь въ этой проклятой странѣ, приходится затрачивать очень много труда!

— Это не плохой взглядъ на вещи, — отвѣтилъ я. — Не будьте добры обойти лагерь и объяснить всѣмъ, что никто ни въ какомъ случаѣ не долженъ стрѣлять безъ приказанія. Пойдите. Лучше отберите ружья у этихъ невольниковъ, такъ какъ они Богъ знаетъ чего надѣлаютъ, если испугаются.

Стефанъ кивнулъ головой и ушелъ съ тремя или четырьмя охотниками. Послѣ его ухода я, посовѣтовавшись съ Мавово, отдалъ кое-какія распоряженія, о которыхъ нѣтъ нужды распространяться. Они касались того, чтобы мы могли возможно дорожѣ продать свои жизни, въ случаѣ, если дѣло приметъ плохой для насъ оборотъ. Въ Африкѣ всегда слѣдуетъ пытаться произвести на враговъ сильное впечатлѣніе. Это можетъ оказаться полезнымъ хотя бы для будущихъ путешественниковъ.

Спустя нѣкоторое время Стефанъ и четверо охотниковъ вернулись съ ружьями (или, вѣрнѣе, съ болѣею частью ихъ) и сообщили мнѣ, что невольники сильно перепуганы и обнаруживаютъ желаніе бѣжать.

— Пусть бѣгутъ, — сказалъ я. — Отъ нихъ толку мало. Они даже могутъ испортить дѣло. Позовите зулусовъ, которые ихъ караулятъ.

Стефанъ кивнулъ головой и черезъ пять минутъ я услышалъ (туманъ, нависшій надъ кустарникомъ, который росъ въ восточной части лагеря, былъ такой густой, что не позволялъ ничего видѣть) шумъ голосовъ, сопровождавшійся топотомъ ногъ. Невольники, включая носильщиковъ, ушли всѣ до одного. Они даже захватили съ собою раненыхъ. Такъ какъ окружавшіе насъ волны постепенно замыкали свой кругъ, то невольники пробрались между сходящимися концами его и скрылись въ кустахъ, черезъ которые мы проходили наканунѣ.

Съ тѣхъ поръ мнѣ часто хотѣлось узнать, что стало съ ними. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ погибли, а остальные вернулись въ свои дома или нашли себѣ новые среди другихъ племенъ. Испытанія, пережитыя тѣми, кто спасся, должны были представлять большой интересъ для послѣднихъ. Я представляю себѣ легенды, въ которыя облекли ихъ два или три послѣдующихъ поколѣнія.

Послѣ ухода невольниковъ и носильщиковъ, взятыхъ нами у Хассана, насъ осталось всего семнадцать человѣкъ, именно: одиннадцать зулусскихъ охотниковъ, включая Мавово, двое бѣлыхъ, Ханъ, Самми и двое мазиту, пожелавшихъ остаться съ нами.

Между тѣмъ вокругъ насъ медленно смыкалось кольцо воиновъ племени мазиту.

Въ это пасмурное утро туманъ разсѣивался довольно медленно, но по мѣрѣ того, какъ свѣтлѣло, я разсматривалъ этихъ людей, дѣлая въ то же время видъ, что не обращаю на нихъ особеннаго вниманія. Всѣ они были страшнаго сложенія, ростомъ значительно выше средняго зулуса; цвѣтъ кожи у нихъ былъ свѣтлѣе, нежели у послѣднихъ. У нихъ, какъ и у зулусовъ, были большіе кожаные щиты и копья съ очень широкими наконечниками. Метательныхъ ассегавовъ у нихъ не было, но зато за спиной у каждаго изъ нихъ висѣлъ лукъ и колчанъ со стрѣлами. На старшинахъ были короткіе кожаные плащи; всины были тоже въ плащахъ, которые, какъ я узналъ впоследствии, были сдѣланы изъ древесной коры.

Они медленно приближались къ намъ, сохраняя полное молчаніе. Никто не говорилъ ни слова; приказанія отдавались знаками. Я не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ имѣлъ огнестрѣльное оружіе.

— Если мы будемъ стрѣлять, — сказалъ я Стефану, — и убьемъ нѣсколькихъ изъ нихъ, они, быть-можетъ, испугаются и убѣгутъ. А можетъ быть и нѣтъ....

— Какъ бы тамъ ни было, — разсудительно отвѣтилъ онъ, — послѣ этого мы врядъ ли встрѣтимъ въ ихъ странѣ хорошій пріемъ. Я думаю, что лучше ничего не предпринимать, пока мы на это не будемъ вынуждены.

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія, такъ какъ было очевидно, что мы не сможемъ сразиться съ нѣсколькими стами людей, и приказалъ Самми, сдѣлавшемуся отъ страха совсѣмъ багровымъ, подать намъ завтракъ. Не удивительно, что бѣдняга былъ чрезвычайно перепуганъ: мы находились въ большой опасности. У этихъ мазиту была дурная слава — если бы они напали на насъ, всѣ мы черезъ пять минутъ были бы убиты.

Кофе и холодное козье мясо было поставлено на небольшой походный столикъ, стоявшій передъ палаткой, которую мы разбили по случаю дождя. Мы начали ѣсть. Зулусскіе охотники тоже ѣли изъ общей миски мучную похлебку, приготовленную ими наканунѣ. Каждый изъ нихъ держалъ на колѣняхъ заряженное ружье.

Наше поведеніе сильно озадачило мазиту. Они подошли къ намъ довольно близко, не болѣе, чѣмъ на раз-

стояніе 40 ярдовъ, и остановились сомкнутымъ кругомъ, удивленно смотря на насъ своими большими, круглыми глазами. Вся эта сцена походила на сонъ. Я никогда не забуду ея.

Ихъ удивляло, повидимому, все: наше безразличное къ нимъ отношеніе, цвѣтъ кожи Стефана и моей (какъ оказалось, до этого времени братъ Джонъ былъ единственнымъ бѣлымъ, котораго они видѣли), наша палатка и два уцѣлѣвшихъ осла. Когда одно изъ этихъ животныхъ закричало, мазигу испуганно переглянулись и даже отступили на нѣсколько шаговъ.

Наконецъ мои нервы не выдержали, когда я увидѣлъ, что нѣкоторые изъ нихъ натягиваютъ свои луки, а ихъ предводитель, высокій одноглазый старикъ, повидимому, рѣшилъ что-то предпринять. Я позвалъ одного изъ

Тутъ я долженъ объяснить, что *мзави* или иначе *мказа*—жидкость, добываемая изъ коры мимозы особъ породы, которую туземные колдуны даютъ лицамъ, обвиняющимся въ какомъ-нибудь преступленіи. Если ихъ стошнить отъ этого напитка, то они объявляются невинными; если же ихъ схватятъ судороги или они впадутъ въ оцѣпенѣніе, они объявляются виновными и умираютъ либо отъ дѣйствія яда, либо какъ-нибудь иначе.

— Это не *мзави*, о Бабемба, — сказалъ Джерри. — Это чудесная жидкость, благодаря которой бѣлые господа мѣтко стрѣляютъ изъ своихъ удивительныхъ палокъ, убивающихъ на разстояніи тысячи шаговъ. Смотри, я проглочу немного ея, — и онъ отпилъ немного кофе, хотя, должно-быть, обжегъ себѣ языкъ.

Джерри поднесъ чашку съ дымящимся кофе къ самому носу предводителя воиновъ племени мазигу.

двухъ нашихъ мазигу (я забылъ сказать, что мы дали имъ имена: Томъ и Джерри) и вручилъ ему чашку кофе.

— Отнеси это съ моими добрыми пожеланіями ихъ начальнику и спроси его, не желаетъ ли онъ пить этотъ напитокъ вмѣстѣ съ нами, — сказалъ я.

Джерри, бывшій довольно смѣлымъ человекомъ, повиновался. Подойдя къ мазигу, онъ поднесъ чашку съ дымящимся кофе къ самому носу ихъ предводителя. Очевидно, онъ зналъ имя послѣдняго, такъ какъ я услышалъ слѣдующее:

— О Бабемба! Бѣлые господа Макумазана и Вацела спрашиваютъ тебя, не раздѣлишь ли ты съ ними ихъ священный напитокъ?

Я вполне хорошо понималъ языкъ мазигу, такъ какъ онъ очень близокъ къ зулусскому.

— Ихъ священный напитокъ! — воскликнулъ старикъ отпрыгивая назадъ. — А это не «красная вода»? Не хотятъ ли эти бѣлые господа отравить меня съ помощью *мзави*?

Это придало смѣлости старому Бабембѣ. Онъ понюхалъ кофе и нашелъ его ароматнымъ. Потомъ позвалъ какого-то мужчину, который, судя по его наряду, былъ колдуномъ и заставилъ его отвѣдать напитка. Результатъ былъ тотъ, что колдунъ сдѣлалъ попытку выпить всю чашку. Бабемба съ негодованіемъ отнялъ ее у него, и выпилъ кофе самъ. Напитокъ понравился ему, такъ какъ я положилъ въ кофе очень много сахара.

— Это дѣйствительно священное питье, — сказалъ онъ, причмокивая губами. — Нѣтъ ли у тебя еще немного этого напитка?

— Бѣлые господа имѣютъ его много, — сказалъ Джерри. — Они приглашаютъ тебя ѣсть съ нами.

Бабемба сунулъ палецъ въ чашку и, набравъ на него сахарнаго осадка, обсосалъ его и задумался.

— Дѣло налаживается, — шепнулъ я Стефану. — Не думаю, что онъ убьетъ насъ послѣ того, какъ испробовалъ нашего кофе. Онъ и завтракать придетъ.

— Это можетъ быть ловушка, — сказалъ Бабемба, начавъ теперь вылизывать изъ чашки сахаръ.

— Нѣтъ, — увѣренно отвѣтилъ Джерри, — бѣлые господа легко могли бы убить тебя, но они не причиняютъ вреда тѣмъ, кто раздѣлилъ съ нами ихъ священный напитокъ.

— Не можешь ли ты принести сюда немного этого священнаго напитка? — спросилъ Бабемба, окончательно очищая чашку своимъ языкомъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Джерри, — ты долженъ идти туда, если хочешь этого напитка. Не бойся. Могу ли я принадлежать къ твоему народу, предать тебя?

— Правда! — воскликнулъ Бабемба. — По твоей рѣчи и лицу видно, что ты мазиту. Но о томъ, какъ ты попалъ сюда, мы поговоримъ послѣ. Я чувствую сильную жажду, и пойду туда. Войны! Сядьте и будьте насторожѣ. Если со мной что-нибудь случится, отомстите за меня и обо всемъ донесите королю.

Пока все это происходило, я приказалъ Хансу и Самми вскрыть одинъ изъ ящиковъ и достать отсюда большое зеркало въ деревянной рамкѣ и на подставкѣ.

Къ счастью, оно было цѣло. Наша упаковка была настолько тщательной, что всѣ бинокли и другія хрупкія вещи оказались въ цѣлости. Это зеркало я тщательно вытеръ и поставилъ на столъ.

Старый Бабемба осторожно направился къ намъ, подозрительно косясь на каждую принадлежащую намъ вещь. Когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, его взглядъ упалъ на зеркало. Онъ остановился и удивленно посмотрѣлъ въ него, потомъ отступилъ назадъ, потомъ, побуждаемый любопытствомъ, снова шагнулъ впередъ и снова остановился.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ изъ рядовъ всинновъ сто помощникъ.

— Здѣсь большое колдовство, — отвѣтилъ онъ. — Я вижу себя, идущаго мнѣ навстрѣчу. Тутъ не можетъ быть ошибки, потому что у него тоже нѣтъ одного глаза.

— Подойди ближе, о Бабемба, и посмотри, въ чемъ дѣло, — крикнулъ колдунъ, пытавшійся выпить весь кофе Бабембы. — Держи свое копье наготовѣ и если другой ты попробуетъ причинить тебѣ вредъ, убей его!

Ободренный Бабемба поднялъ свое копье и отпустилъ его съ большою поспѣшностью.

— Этого нельзя дѣлать, глупецъ! — закричалъ онъ колдуну. — Другой я тоже поднялъ копье. Больше того, всѣ вы, которые должны быть позади меня, находитесь передо мною. Священное питье ошѣняло меня. Я околдованъ! Спасите меня!

Тутъ я увидѣлъ, что шутка зашла слишкомъ далеко, такъ какъ войны заволновались и начали натягивать свои луки. Къ счастью въ этотъ моментъ почти на прѣтивъ насъ, наконецъ, показалось солнце.

— О Бабемба! — сказалъ я торжественнымъ голосомъ. — Этотъ магическій щитъ, который мы даримъ тебѣ, даетъ второе твое изображеніе. Отнынѣ твой трудъ уменьшится наполовину и твое удовольствіе удвоится, ибо, когда ты посмотришь въ этотъ щитъ, ты будешь не одинъ, а двойной. Этотъ щитъ имѣетъ еще одну особенность. Смотри, — я поднялъ зеркало и, пользуясь имъ, какъ гелиографомъ, направилъ «зайчика» прямо въ глаза войнамъ мазиту, сидѣвшимъ передъ нами длиннымъ полукругомъ. Клянусь честью, они побѣжали!

— Удивительно! — воскликнулъ старый Бабемба, — могу ли я, бѣлый господинъ, научиться дѣлать то же самое?

— Конечно, — отвѣтилъ я. — Попробуй. Держи щитъ вотъ такъ, пока я буду говорить заклинаніе.

Я пробормоталъ нѣсколько ничего не знающихъ словъ, потомъ снова направилъ зеркало на мазиту. — Смотри, смотри! Ты попалъ имъ въ глаза. Теперь ты

тоже колдунъ. Они бѣгутъ, бѣгутъ! — (и въ самомъ дѣлѣ они бѣжали). — Кого ты не любишь среди своихъ?

— Многихъ, — выразительно отвѣтилъ Бабемба, — особенно колдуна, который чуть не выпилъ весь священный напитокъ.

— Хорошо. Со временемъ я покажу тебѣ, какъ прожечь въ немъ дыру съ помощью этого волшебнаго предмета. Нѣтъ, не сейчасъ. Этотъ солнечный предметъ на время пересталъ дѣйствовать. Смотри, — я перевернулъ зеркало и положилъ его на столъ, — теперь ты ничего не видишь?

— Ничего, кромѣ дерева, — отвѣтилъ Бабемба, смотря въ обратную сторону зеркала.

Тогда я набросилъ на зеркало салфетку и, чтобы переменить разговоръ, предложилъ Бабембѣ сѣсть и выпить съ нами «священнаго напитка».

Старикъ съ большою осторожностью сѣлъ на складной стулъ и воткнулъ свое огромное копье наконечникомъ въ землю. Онъ такъ смѣшно сидѣлъ на стулѣ, что легкомысленный Стефанъ забылъ объ опасности положенія и, послѣ неудачной попытки подавить въ себѣ смѣхъ, поставилъ свою чашку на столъ и убѣжалъ въ палатку, гдѣ разразился неудержимымъ хохотомъ. Въ моментъ замѣшательства Самми взялъ его кофе и передалъ старому Бабембѣ. Вскорѣ Стефанъ вышелъ изъ палатки и, чтобы скрыть свое смущеніе, взялъ чашку, назначенную для Бабембы, и выпилъ ее.

Тогда Самми, замѣтившій свою ошибку, сказалъ:

— Мистеръ Сомерсъ, мнѣ очень жаль, но тутъ вышла ошибка. Вы выпили кофе изъ чашки, которую только что вылизалъ этотъ вонючій дикарь.

Эффектъ получился потрясающій, такъ какъ Стефана тотчасъ же стошнило.

— Что это съ бѣлымъ господиномъ? — спросилъ Бабемба. — А! теперь я вижу, что вы действительно обманываете меня. Вы дали мнѣ пить не что иное, какъ горячій кубабу, который вызываетъ тошноту у невиновныхъ и причиняетъ смерть замышляющимъ зло.

— Прекратите ваши сумасбродныя выходки, идиотъ вы этакій! — прошепталъ я Стефану, толкая его въ бокъ. — Изъ-за васъ всѣмъ намъ перерѣжутъ глотки.

Потомъ, набравшись духу, я обратился къ Бабембѣ: — О нѣтъ, вождь. Бѣлый господинъ — жрецъ священнаго напитка, а то, что ты видишь, — религіозный обрядъ.

— Вотъ оно что! — сказалъ Бабемба. — Но я надѣюсь, что этотъ обрядъ не переходитъ на другихъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, предлагая ему бисквиты. — Теперь скажи мнѣ, вождь Бабемба, зачѣмъ ты вышелъ противъ насъ почти съ пятью сотнями вооруженныхъ людей?

— Чтобы убить васъ, бѣлый господинъ... Охъ, какъ горячъ, хотя и вкусенъ, этотъ священный напитокъ! Ты говоришь, что это не переходитъ на другихъ? Ибо я чувствую....

— Ышь пирожное, — отвѣтилъ я. — А зачѣмъ тебѣ убивать насъ? Будь добрѣ, скажи мнѣ правду, или я прочту ее въ магическомъ щитѣ, который такъ же отражаетъ все внутреннее, какъ и наружное.

— Если ты, бѣлый господинъ, можешь читать мои мысли, то зачѣмъ ты угрожаешь меня, заставляя высказывать ихъ? — весьма резонно спросилъ Бабемба, ротъ котораго былъ набитъ бисквитами. — Однако я все скажу тебѣ, ибо этотъ блестящій предметъ можетъ солгать. Бауси, король нашего народа, послалъ меня убить всѣхъ васъ, такъ какъ до него дошли слухи, что вы — работоторговцы, идущіе сюда съ ружьями, чтобы набрать въ плѣнъ мазиту, отвести ихъ къ «Черной Водѣ» и продать на большія лодки, которыя движутся сами собой. Объ этомъ его предупредили отъ арабовъ. Мы знаемъ, что это правда, такъ какъ вчера съ вами

было много негодниковъ, которые, увидя наши копы, разбѣжались не болѣе часа тому назадъ.

Я внимательно посмотрѣлъ въ зеркало и холодно сказалъ:

— Этотъ магическій щитъ рассказываетъ нѣсколько другую исторію. Онъ говоритъ, что вашъ король Басу, которому мы, между прочимъ, несемъ много подарковъ, приказалъ тебѣ провести насъ къ нему съ почестями, чтобы мы могли переговорить съ нимъ.

Выстрѣлъ попалъ въ цѣль. Бабемба чрезвычайно смутился.

— Это вѣрно, — сказалъ онъ, запинаясь, — т.-е. я хочу сказать, что король предоставилъ мнѣ поступить по своему усмотрѣнію. Я посоветуюсь съ колдуномъ.

— Если такъ, — сказалъ я, — то дѣло улажено, ибо ты, будучи столь знатнымъ человѣкомъ, никогда не попытаешься убить тѣхъ, съ кѣмъ только что раздѣлилъ священный напитокъ. Если же ты поступишь иначе, — хладнокровно прибавилъ я, — то самъ проживешь недолго. Одно тайное слово, и этотъ напитокъ обратится внутри тебя въ *мвари* самого худшаго сорта.

— О да, бѣлый господинъ, все улажено! — воскликнулъ Бабемба. — Не произноси тайнаго слова. Я провою тебя къ королю и ты переговоришь съ нимъ. Клянусь своею головою и духомъ своего отца, что не причиню вамъ вреда. Съ твоего позволенія я позову сюда великаго колдуна Имбоцви и подтвержу нашъ договоръ въ его присутствіи. Кромѣ того, я покажу ему магическое зеркало.

Вскорѣ явился Имбоцви, за которымъ былъ посланъ Джерри. Это былъ непріятный субъектъ неопредѣленнаго возраста, горбатый, какъ «Пенчъ»¹⁾, худой и косяглазый. Онъ, какъ и всѣ туземные колдуны, былъ обвѣшанъ змѣиными кожами, рыбьими пузырями и маленькими мѣшечками съ лѣкарствами. Въ добавленіе ко всѣмъ этимъ талисманамъ, съ его лба спускалась широкая красная полоска (сдѣланная, вѣроятно, охрой), проходившая подъ носомъ черезъ губы и подбородокъ и заканчивавшаяся на шеѣ краснымъ пятномъ, размѣромъ въ пенни. Его шерстистые волосы, въ которые было вплетено небольшое кольцо изъ черной камеди, были пропитаны жиромъ и посыпаны чѣмъ-то синимъ. Они образовали подобіе рога, подымавшагося острымъ концомъ дюймовъ на пять надъ макушкой. Въ общемъ онъ имѣлъ видъ настоящаго чорта. Болѣе того, онъ обладалъ чертовски сквернымъ характеромъ, такъ какъ его первыя слова, съ которыми онъ обратился къ намъ, заключали въ себѣ упрекъ въ томъ, что мы не пригласили его раздѣлить нашъ «священный напитокъ» съ Бабембой. Мы предложили ему кофе, но онъ отказался, говоря, что мы хотимъ отравить его.

Тогда Бабемба передалъ ему свое рѣшеніе (мнѣ кажется, нѣсколько нервно, такъ какъ, повидимому, онъ боялся этого стараго колдуна), которое тотъ выслушалъ, храня абсолютное молчаніе. Когда Бабемба объяснилъ ему, что безъ прямого приказанія короля было бы глупо и несправедливо предать смерти такихъ колдуновъ, какъ мы, Имбоцви спросилъ, почему онъ называетъ насъ колдунами. Бабемба сослался на чудеса блестящаго щита, показывающаго различныя изображенія.

— Фу! — сказалъ Имбоцви. — Развѣ спокойная вода или отполированное желѣзо не отражаютъ изображеній?

— Но этотъ щитъ можетъ дѣлать огонь, — сказалъ Бабемба. — Бѣлый господинъ говоритъ, что онъ можетъ сжечь человѣка.

— Пусть онъ сожжетъ меня, — съ невыразимымъ презрѣніемъ отвѣтилъ Имбоцви. — Тогда я повѣрю, что эти бѣлые люди — колдуны, достойные быть оставленными въ

живыхъ, а не простые работоторговцы, о которыхъ мы такъ часто слышали.

— Сожги его, бѣлый господинъ, и докажи ему, что я правъ! — раздраженно воскликнулъ Бабемба, послѣ чего они начали браниться. Очевидно, они были соперниками и на этотъ разъ потеряли самообладаніе.

Солнце жгло теперь вполне достаточно для того, чтобы дать намъ возможность заставить Имбоцви испытать на себѣ силу нашего «колдовства». Я вынулъ изъ кармана очень сильное зажигательное стекло, которымъ (съ цѣлью экономіи спичекъ) часто пользовался для зажиганія дровъ и, держа его въ одной рукѣ и зеркало въ другой, занялъ положеніе, удобное для эксперимента. Бабемба и колдунъ такъ яростно спорили другъ съ другомъ, что, повидимому, не замѣчали того, что я дѣлалъ. Я направилъ зажигательное стекло прямо на грязный хохолъ Имбоцви, намѣреваясь прожечь въ немъ дыру. Но этотъ хохолъ, повидимому, поддерживался изнутри чѣмъ-то весьма горючимъ, тростинкой или палочкой изъ камфорнаго дерева, потому что черезъ тридцать секундъ онъ запылалъ, какъ факель.

— Оу! — вскричали наблюдавшіе за этимъ кафры.

— Вотъ это ловко! — воскликнулъ Стефанъ.

— Смотрите, смотрите! — восхищенно закричалъ Бабемба. — Теперь ты, гнойный нарывъ, повѣришь, что это дѣйствительно великіе маги?

— Почему ты, сынъ собаки, смѣешься надо мной? — завизжалъ разъяренный Имбоцви, не понимавшій въ чемъ дѣло. Въ его умѣ зародилось подозрѣніе; онъ поднесъ руку къ своему хохлу и отвернулъ ее съ вошемъ. Потомъ онъ началъ прыгать и вертѣться, отчего огонь разгорѣлся сильнѣе. Зулусы захолопали въ ладоши, Бабемба тоже. Стефана охватилъ одинъ изъ его идиотскихъ припадковъ веселости. Что касается меня, то я испугался. Недалеко отъ меня стояло большое деревянное ведро кафрскаго издѣлія, изъ котораго бралась вода для варки кофе. Я схватилъ его и подбѣжалъ къ Имбоцви.

— Спаси меня, бѣлый господинъ! — завопилъ онъ. — Ты величайшій колдунъ и я твой рабъ...

Тутъ я оборвалъ его, опрокинувъ ему на голову ведро, въ которомъ она исчезла, словно свѣча въ тушитель. Вода лилась по всему Имбоцви, стоявшему очень смирно, а изъ-подъ ведра шель дымъ съ непріятнымъ запахомъ.

Убѣдившись, что огонь потухъ, я снялъ ведро съ колдуна, лишеннаго теперь своей изысканной прически. Онъ почти не былъ обожженъ, такъ какъ я поспѣлъ со своею помощію какъ разъ во-время, но зато остался лысымъ. При малѣйшемъ прикосновеніи его сожженные волосы рассыпались до самаго корня.

— Они всѣ опадаютъ, — удивленно сказалъ онъ, ощупывая свой скальпъ.

— Да, — отвѣтилъ я, — нашъ щитъ дѣйствуетъ хорошо, не правда ли?

— Можешь ли ты, бѣлый господинъ, возвратитъ ихъ обратно? — спросилъ онъ.

— Это зависитъ отъ того, какъ ты будешь вести себя, — отвѣтилъ я.

Послѣ этого онъ, не сказавъ ни слова, повернулся и пошелъ къ своимъ воинамъ, которые встрѣтили его взрывами хохота. Очевидно, Имбоцви не пользовался среди нихъ популярностью, и они были рады его пораженію.

Бабемба тоже былъ чрезвычайно доволенъ. Онъ сейчасъ же началъ отдавать распоряженія относительно доставки насъ къ королю въ его столицу, называвшуюся Беза, при чемъ далъ торжественное обѣщаніе, что ни онъ ни его воины не причинятъ намъ никакого вреда.

¹⁾ Англійскій «Петрушка».

Одинъ только Имбоци не оцѣнилъ нашей магии. Когда онъ ух дилъ, я прочелъ въ его взглядѣ крайнюю ненависть. Я подумалъ, что, быть-можетъ, лучше было бы не примѣнять зажигательнаго стекла, хотя у меня не было намѣрѣнія опалить ему всю голову.

— Отецъ мой! — сказалъ мнѣ Мавово спустя нѣкоторое время, — лучше было бы, если бы ты совсѣмъ свалилъ эту змѣю, ибо тогда ты уничтожилъ бы ея ядъ. Я тоже немного колдунъ и скажу тебѣ, что нашъ братъ больше всего не любитъ быть осмѣяннымъ. Ты осмѣялъ, Макумазана, этого колдуна передъ его народомъ, и онъ не забудетъ этого.

IX. Бауси — король племени мазиту.

Около полудня мы тронулись въ путь и направились въ городъ Безу, резиденцію короля Бауси, куда должны были прибыть къ вечеру слѣдующаго дня. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ весь отрядъ мазиту шелъ впереди или, вѣрнѣе, вокругъ насъ. Но мы пожаловались Бакембѣ на пыль и шумъ, и онъ съ положительной

торого вы называете братомъ Джономъ. Короче говоря, я пришелъ къ опредѣленному рѣшенію и дальнѣйшій разговоръ объ этомъ бесполезенъ.

Я закурилъ трубку и, глядя на этого упрямаго юношу, постарался разсмотрѣть положеніе съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Въ концѣ-концовъ, я пришелъ къ заключенію, что онъ правъ. Правда, подкупивъ Бакембу или инымъ путемъ, мы могли бы бѣжать и избавиться отъ многихъ опасностей. Но съ другой стороны, мы пришли въ это дикое мѣсто совсѣмъ не для того, чтобы бѣжать отсюда. Дальше, за чей счетъ мы прибыли сюда? за счетъ Стефана Сомерса, желавшаго итти впередъ!

Наконецъ, не говоря ужъ о возможности встрѣчи съ братомъ Джономъ (съ которымъ я не былъ связанъ обязательствомъ, такъ какъ онъ не дождался насъ въ Дурбанѣ), мнѣ не нравилась мысль остаться побѣжденнымъ. Мы собрались посѣтить загадочныхъ дикарей, почитающихъ обезьяну и цвѣтокъ, и должны итти впередъ до тѣхъ поръ, пока это будутъ позволять обстоя-

Черезъ тридцать секундъ грязный хохолъ колдуна запылалъ, какъ факель.

трогательнымъ довѣріемъ уславъ отрядъ впередъ. Однако онъ предварительно заставилъ насъ поклясться «нашими матерями» (среди многихъ африканскихъ племенъ это самая священная клятва) въ томъ, что мы не будемъ пытаться бѣжать. Признаюсь, я, не чувствуя особенной любви къ мазиту, не сразу рѣшился согласиться на это (отъ Джерри я узналъ, что разстроенный Имбоци покинулъ отрядъ и ушелъ впередъ по какому-то собственному дѣлу). Если бы рѣшеніе зависѣло исключительно отъ меня, — я бы попытался бѣжать черезъ пограничный кустарникъ и пробраться къ югу, по пути добывая себѣ пропитаніе охотой. Такого было также желаніе зулусскихъ охотниковъ, Ханса и, особенно, Самми. Но когда я сказалъ объ этомъ Стефану, онъ началъ упрашивать меня оставить эту мысль.

— Послушайте, Куотермэйпъ, — говорилъ онъ, — я пришелъ въ эту покинутую Богомъ страну, чтобы добыть здѣсь большую *Сурпризину*, и либо добуду ее либо умру. Конечно, — прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на наши нѣсколько блѣдныя лица, — я не имѣю никакого права подвергать риску ваши жизни. Поэтому, если вы считаете положеніе опаснымъ, я пойду одинъ съ этимъ старикомъ Бакембой. Кто-нибудь изъ насъ долженъ посѣтить крааль Бауси на случай, если туда явится джентльменъ, ко-

тества. Опасности существуютъ повсюду. Тотъ, кто бѣжитъ отъ опасности, никогда ничего не добьется.

— Мавово, — сказалъ я, указывая своей трубкой на Стефана, — Вацела не хочетъ пытаться бѣжать. Онъ хочетъ итти дальше, въ страну народа понго.

Помни, Мавово, что онъ заплатилъ за все, и что мы наняты имъ. Онъ говоритъ, что если мы бѣжимъ, то онъ все равно пойдетъ одинъ съ этимъ мазиту. Но если кто-нибудь изъ васъ охотниковъ, захочетъ бѣжать, то ни онъ ни я не воспротивимся этому. Что ты скажешь на это?

— Я скажу, Макумазана, что хотя Вацела и молодой вождь, но у него большая душа. Куда пойдете вы оба, туда пойду и я. Думаю, что за мной послѣдуютъ и остальные охотники. Я не люблю этихъ мазиту, ибо если ихъ отцы и были зулусами, то матери ихъ были болѣе низкаго происхожденія. Они ублюдки нашего народа, а о понго я слышалъ только дурное. Но плохъ тотъ быкъ, который, видя передъ собою лужу, боится итти дальше. Надо итти впередъ, ибо что съ того, если мы утонемъ въ болотѣ? Кромѣ того, моя змѣя говоритъ, что если мы и утонемъ, то не всѣ.

Итакъ, было рѣшено не предпринимать никакихъ попытокъ къ бѣгству.

Правда, Самми хотѣлъ было сдѣлать это, но когда дошло до дѣла и ему былъ предложенъ одинъ изъ учѣлѣвшихъ ословъ и необходимое количество припасовъ, онъ измѣнилъ свое намѣреніе.

— Мнѣ кажется, мистеръ Куотермэйнъ, — сказалъ онъ, — что лучше окончить жизнь въ обществѣ людей высокаго происхожденія, нежели въ одиночествѣ пытаться ускользнуть отъ неизбежнаго.

— Великолѣпно, Самми, — сказалъ я. — А тѣмъ временемъ, пока настанетъ неизбежное, ты пойдѣ и приготовь намъ обѣдъ.

Итакъ, отбросивъ всякія сомнѣнія, мы продолжали наше путешествіе довольно комфортабельно, такъ какъ вмѣсто ушедшихъ носильщиковъ, намъ было дано достаточное число новыхъ.

Бабемба, въ сопровожденіи всего одного воина, шелъ вмѣстѣ съ нами. Отъ него мы узнали многое.

Мазиту, повидимому, были довольно большимъ народомъ, могущимъ выставить отъ пяти до семи тысячъ копій.

Ихъ преданія говорили, что они происходятъ отъ того же племени, что и зулусы. И дѣйствительно, многіе ихъ обычаи, не говоря уже о языкѣ, походили на зулусскіе. Однако ихъ военная организація не была столь совершенной, какъ у послѣднихъ, и во многомъ другомъ они производили на меня впечатлѣніе людей болѣе низкой расы. Только въ одномъ они значительно дальше ушли впередъ — это въ устройствѣ своихъ домовъ. Многочисленные краали, черезъ которые мы проходили, были построены лучше зулусскихъ. Вмѣсто «пчелиныхъ ходовъ», они были снабжены подобіемъ дверей, черезъ которыя можно было проходить не нагибаясь. По дорогѣ мы ночевали въ одномъ изъ такихъ домовъ и нашли бы его весьма комфортабельнымъ, если бы не безчисленные блохи, которыя, въ концѣ-концовъ, выгнали насъ на дворъ. Въ остальномъ эти мазиту весьма походили на зулусовъ. Они имѣли краали и разводили скотъ. Управлялись они вождями, подчиненными верховному вождю или королю.

Они вѣрили въ колдовство и приносили жертвы духамъ своихъ предковъ и, кромѣ того, нѣкоему могущественному богу, управляющему дѣлами міра и объявляющему свою волю черезъ колдуновъ. Наконецъ, они были весьма воинственнымъ племенемъ, которое любило войну и подъ разными предлогами нападало на сосѣдей, убивая мужчинъ и похищая женщинъ и скотъ. Они обладали и нѣкоторыми достоинствами, будучи по натурѣ любезными и гостепріимными. Но со своими врагами они были довольно жестоки. Кромѣ того, они ненавидѣли торговлю невольниками и тѣхъ, кто ею занимался, говоря, что лучше убить человѣка, нежели лишить его свободы.

Они питали отвращеніе къ людоедству и поэтому, болѣе чѣмъ кто-либо, гнушались людей понго, считавшихся людоедами.

Къ вечеру второго дня нашего путешествія, во время котораго мы проходили по красивой и плодородной гористой мѣстности, мы прибыли въ городъ Безу. Этотъ городъ былъ расположенъ на обширной равнинѣ, окруженной невысокими холмами и дѣльнымъ поясомъ обработанныхъ полей, весьма красивыхъ благодаря мансу и другимъ злакамъ, уже готовымъ къ жатвѣ.

Весь городъ былъ окруженъ высокимъ деревяннымъ палисадомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго были посажены колючія грушевыя деревья и кактусы. Внутри палисада городъ дѣлился на кварталы, населенные людьми, занимавшимися различными ремеслами. Такъ одна часть города называлась «кузнечнымъ кварталомъ», другая — «военнымъ», третья — «земледѣльческимъ», четвертая — «кожевеннымъ» и т. д. Жилище короля, его женъ и приближенныхъ находилось недалеко отъ сѣверныхъ

воротъ. Передъ нимъ было широкое открытое мѣсто, куда, въ случаѣ необходимости, можно было загнать скотъ.

Во время нашего пребыванія въ городѣ это мѣсто служило рыночной площадью; кромѣ того, здѣсь обучались воины.

Мы вошли въ городъ (который, вѣроятно, заключалъ въ себѣ большое число жителей) черезъ южныя ворота, сдѣланные изъ крѣпкихъ бревенъ. Солнце уже заходило, когда мы дошли до хижинъ, предназначавшихся для гостей и находившихся въ концѣ центральной улицы, которая была переполнена всѣмъ населеніемъ города, собравшимся посмотреть на насъ. Эти хижины были расположены въ «военномъ кварталѣ», недалеко отъ жилища короля, и были окружены изгородью.

При нашемъ прохожденіи никто не проронилъ ни слова, такъ какъ мазиту по натурѣ весьма учтивы.

Мнѣ казалось, что они смотрятъ на насъ со страхомъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ. Тѣ изъ нихъ, которые были воинами, салютовали намъ своими копьями. Хижины, въ которыя мы были приведены Бабембой, весьма подружившимся съ нами, были очень чистыми. Все наше имущество, включая ружья, отобранные у невольниковъ передъ ихъ бѣгствомъ, были сложены въ одну изъ хижинъ, къ которой былъ приставленъ часовой мазиту. Ослы были привязаны къ изгороди. Снаружи стоялъ на часахъ другой вооруженный мазиту.

— Развѣ мы плѣнники? — спросилъ я Бабембу.

— Король охраняетъ своихъ гостей, — загадочно отвѣтилъ онъ. — Не надо ли вамъ, бѣлые господа, что-нибудь передать королю? Я увижу его сегодня вечеромъ.

— Да, — отвѣтилъ я. — Передай королю, что мы братья того, кто около года тому назадъ сдѣлалъ опухоль съ его тѣла. Мы условились съ нимъ встрѣтиться здѣсь. Я говорю о бѣломъ господинѣ съ длинной бородой, котораго черные зовутъ Догитой.

Бабемба встрепенулся.

— Вы братья Догиты! Какъ же случилось, что вы до сихъ поръ ни разу не упомянули его имени? Когда онъ хотѣлъ встрѣтить васъ здѣсь? Знайте, что среди насъ Догита великій человѣкъ, ибо съ нимъ однимъ изъ всѣхъ людей нашъ великій король Бауси вступилъ въ кровное братство. Среди мазиту Догита то же, что и король.

— Мы, Бабемба, никогда не упоминали о немъ потому, что не говоримъ обо всемъ сразу. Что касается того, когда насъ встрѣтитъ Догита, то я не знаю этого. Я убѣжденъ только въ томъ, что онъ сюда придетъ.

— Да, господинъ Макумазана, но когда, когда? Это король захочетъ знать, и вы должны сказать ему это. Господинъ, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, — вы въ опасности, такъ какъ у васъ здѣсь много враговъ... Бѣлымъ людямъ запрещенъ доступъ въ эту страну. Если ты хочешь спасти свою жизнь, будь завтра готовъ сказать королю, когда Догита, котораго онъ очень любитъ, придетъ сюда, чтобы поручиться за васъ. Надо, чтобы онъ явился поскорѣе и въ тотъ день, который ты укажешь, иначе онъ можетъ не застать тебя въ живыхъ если только онъ дѣйствительно придетъ. Вотъ что я по-дружески скажу тебѣ. Остальное зависитъ отъ тебя.

Послѣ этого онъ всталъ и ушелъ черезъ дверь хижины и ворота ограды мимо часового, который отступилъ въ сторону, чтобы дать ему дорогу. Я тоже поднялся со стула, на которомъ сидѣлъ, и въ ярости заходилъ по хижинѣ.

— Вы понимаете, что сказалъ этотъ старый дуракъ? — (боюсь, что я употребилъ болѣе сильное выраженіе)

воскликнулъ я, обращаясь къ Стефану.—Онъ говоритъ, что мы должны быть готовы точно указать день, когда въ городъ Безу явится другой старый дуракъ—братъ Джонъ. Въ противномъ случаѣ намъ перерѣжутъ глотки.

— Положеніе не изъ важныхъ,—отвѣтилъ Стефанъ.— Въ городъ Безу не ходятъ поезда-экспрессы, да если бы и ходили, то мы не могли бы быть увѣрены, что на одномъ изъ нихъ пріѣдетъ братъ Джонъ.

— Не понимаю, почему этотъ оселъ не могъ подождать насъ въ Дурбанъ, вмѣсто того чтобы отправиться куда-то въ сѣверную часть земли зулусовъ на дурацкую ловлю бабочекъ, и сломать себѣ ногу или шею, если съ нимъ дѣйствительно что-нибудь приключилось?

— Трудно сказать, что побудило его сдѣлать это.

Мы снова усѣлись и смотрѣли другъ на друга.

Въ это время въ хижину вползъ Хансъ и сѣлъ на землю передъ нами. Можно было просто пройти черезъ дверь, но, не знаю почему, онъ предпочелъ вползти въ хижину на рукахъ и колѣнкахъ.

— Чего тебѣ надо, уродливая жаба?—злбно спросилъ я его (онъ дѣйствительно походилъ на жабу; даже кожа у него подъ челюстью двигалась словно у жабы).

— Баазъ встревоженъ?—спросилъ онъ.

— Я думаю,—отвѣтилъ я,—встревожишься и ты, когда будешь извѣщаться на концѣ копы мазиту!

— У нихъ широкія копы, дѣлающія большія дыры,—замѣтилъ Хансъ, въ отвѣтъ на что я всталъ, намѣреваясь дать ему хорошаго пинка.

— Баазъ,—продолжалъ онъ,—въ этой хижинѣ есть дыра, черезъ которую все слышно, если лежать у стѣны, притворяясь спящимъ.

Я слышалъ разговоръ бааза съ этимъ одностлазымъ дикаремъ и баазомъ Стефаномъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ, маленькая змѣя?

— Если баазъ не хочетъ быть убитымъ въ этомъ мѣстѣ, откуда никакъ нельзя бѣжать, то нужно узнать точно день и часъ, когда прибудетъ Догита.

— Ахъ ты, желтый идиотъ!—воскликнулъ я.—Если ты будешь,...—тутъ я остановился, такъ какъ подумалъ, что лучше выслушать Ханса до конца, нежели срывать на немъ свое раздраженіе.

— Мавово—великій колдунъ, баазъ. Говорятъ, что его змѣя самая сильная во всей землѣ зулусовъ, за исключеніемъ змѣи его учителя, стараго Цикали. Онъ говорилъ, что Догита лежитъ гдѣ-то со сломанной ногой, и что онъ придетъ сюда, чтобы встрѣтиться съ баазомъ. Потому онъ, безъ сомнѣнія, можетъ точно

сказать, когда придетъ Догита. Я бы самъ спросилъ объ этомъ Мавово, но онъ не заставитъ свою змѣю работать для меня. Поэтому пусть лучше спроситъ его баазъ. Быть-можетъ, Мавово забудетъ, что баазъ смѣялся надъ его гаданіемъ, и что онъ поклялся больше никогда не гадать для бааза.

— О, слѣпецъ!—отвѣтилъ я.—Развѣ могу я поручиться, что вся эта исторія Мавово относительно Догиты не сплошной вздоръ?

Хансъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Исторія Мавово—вздоръ! Змѣя Мавово солгала! Охъ, баазъ смотритъ на дѣло слишкомъ по-христіански. Конечно, благодареніе отцу бааза, я тоже христіанинъ, но не настолько, чтобы не умѣть отличить хорошее гаданіе отъ плохого. Змѣя Мавова лгунья! И это послѣ того, какъ похороненъ первый изъ тѣхъ охотниковъ, которымъ въ Дурбанъ была предсказана смерть! Прекрасно, баазъ, пусть будетъ такъ! Но все же только и остается либо просить Мавово, либо быть убитымъ. Мнѣ все равно, ибо я охотно начну новую жизнь въ другомъ мѣрѣ. Но пусть баазъ подумаетъ, какой шумъ подыметъ Самми.

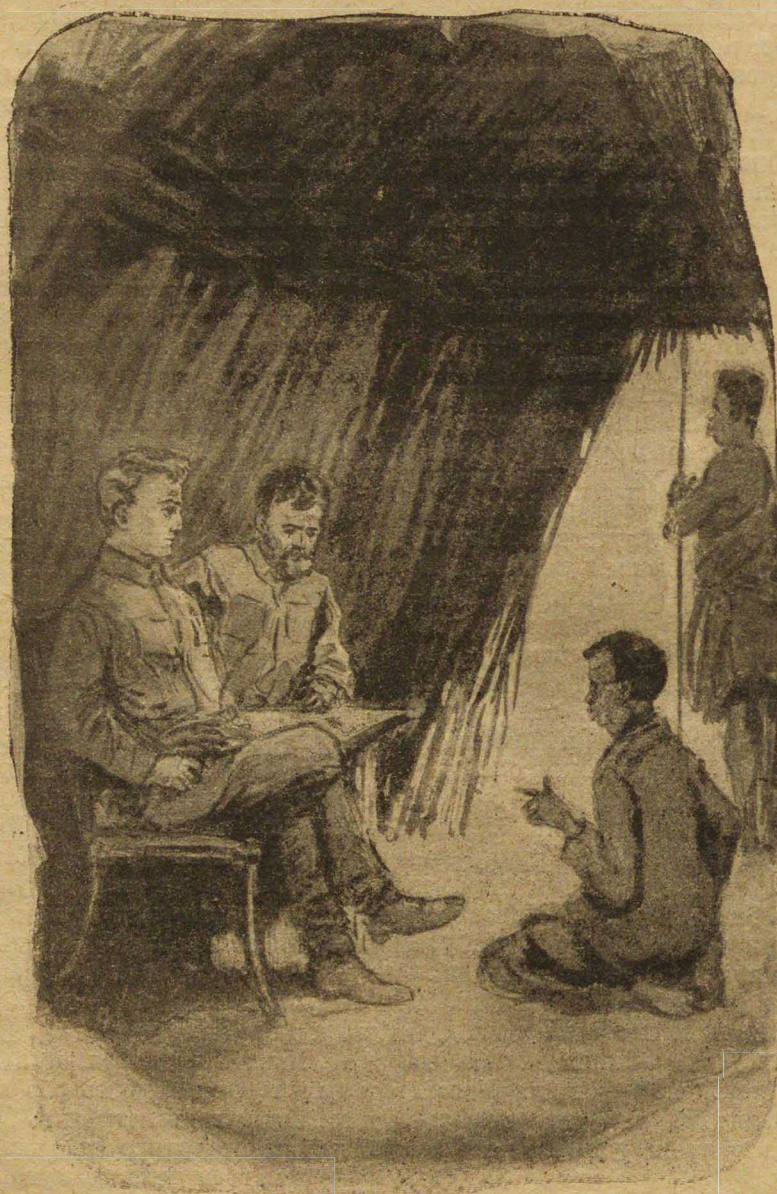
Съ этими словами онъ повернулся и выскользнулъ изъ хижины.

— Хорошее положеніе, нечего сказать!—чуть не со стономъ обратился я къ Стефану.—Я, бѣлый человѣкъ, знающій, что все это кафрское гаданіе чистѣйшій вздоръ, долженъ просить дикаря сказать мнѣ то, о чемъ онъ ничего не можетъ знать! Это уничижительно! Это не по-христіански! Пусть меня повѣсятъ, если я сдѣлаю это!

— Сдѣлаете вы это или нѣтъ—васъ все равно повѣсятъ,—отвѣтилъ Стефанъ со своей пріятной улыбкой.— Но скажите, старина, почему вы такъ увѣрены, что все это вздоръ? Намъ говорили о многихъ чудесахъ, которыя не были вздоромъ, и если чудеса существуютъ, то почему имъ не существовать теперь? Я знаю, что вы мнѣ на это возразите, и потому спорить дальше бесполезно. Однако я не такъ гордъ, какъ вы. Я попробую смягчить каменное сердце Мавово и уговорю его раскрыть свою книгу тайной мудрости.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Спусти нѣсколько минутъ я былъ вызванъ изъ хижины, чтобы принять овцу, которая вмѣстѣ съ молокомъ, туземнымъ пивомъ, хлѣбомъ и другими припасами, включая фуражъ для ословъ, была прислана намъ отъ Бауси. Тутъ я долженъ замѣтить, что во время нашего пребыванія у мазиту мы ни въ чемъ не нужда-

— Чего тебѣ надо, уродливая жаба?—спросилъ я Ханса.

лись. Здѣсь не знали голода, столь обычнаго въ Восточной Африкѣ, гдѣ путешественникъ часто ни за что не можетъ найти себѣ пищи.

Я велѣлъ поблагодарить короля и выразилъ надежду отплатить ему завтра нѣсколькими подарками. Потомъ я отправился искать Самми, чтобы приказать ему зарѣзать и приготовить овцу. Я нашелъ его или, вѣрнѣе, услышалъ его голосъ за камышевой перегородкой, раздѣлявшей двѣ хижины. Онъ выступалъ въ качествѣ переводчика между Стефаномъ Сомерсомъ и Мавово.

— Этотъ зулусъ, мистеръ Сомерсъ,—говорилъ онъ,—заявляетъ, что онъ понялъ все, о чемъ вы говорили, и что все мы, вѣроятно, будемъ убиты этимъ дикаремъ Бауси, если не сможемъ сказать ему, когда придетъ сюда бѣлый человѣкъ Догита, котораго онъ любитъ. Онъ также убѣжденъ, что съ помощью своего гаданія онъ могъ бы узнать, когда это случится (что, безъ сомнѣнія, мистеръ Сомерсъ,—скажу вамъ откровенно—чистая ложь невѣжественнаго язычника). Онъ прибавляетъ, что не дастъ ни одного мѣднаго гроша за свою или за кого-нибудь другого изъ насъ жизнь.

Онъ говоритъ на своемъ вульгарномъ языкѣ, что между желудкомъ гѣны изъ земли мазиту и всякой другой гѣны нѣтъ никакой разницы, и что земля мазиту такъ же хороша для его костей, какъ и всякая другая земля, такъ какъ земля есть худшая изъ всехъ гѣнъ, рано или поздно пожирающая то, что родитъ. Извините меня, мистеръ Сомерсъ, что я повторяю пустую болтовню этого дикаря, но вы сами приказали мнѣ точно передать его слова. Этотъ безразсудный человѣкъ говорить, что кака-то невѣдомая сила—онъ называетъ ее «силой, которая заставляетъ сіять солнце и усыиваетъ покровъ ночи звѣздами» (извините, что я повторяю эти глупыя слова)—заставила его родиться на этомъ свѣтѣ и въ опредѣленный часъ унесетъ его изъ этого міра назадъ во мракъ, въ вѣчное лоно, гдѣ онъ либо будетъ пребывать во снѣ, либо снова вернется къ жизни, согласно волѣ этой невѣдомой силы—я точно перевожу его слова, мистеръ Сомерсъ, хотя не знаю, что все это значитъ—и что ему безразлично, когда это случится. Онъ говоритъ еще, что онъ становится старымъ и что онъ видѣлъ много горя—онъ, я полагаю, подразумеваетъ утрату своихъ женъ и ребенка,—между тѣмъ какъ вы молоды и ваша жизнь со всеми ея радостями еще впереди. Поэтому онъ будетъ радъ сдѣлать все, что въ его силахъ, чтобы спасти вамъ жизнь, потому что, хотя вы и бѣлый, а онъ черный, тѣмъ не менѣе, онъ любитъ васъ и смотритъ на васъ, какъ на свое дитя. Да, мистеръ Сомерсъ, я краснѣю, повторяя это, но этотъ черный человѣкъ говоритъ, что смотреть на васъ, какъ на свое дитя. Онъ прибавляетъ, что если понадобится, то онъ охотно отдастъ за васъ свою жизнь, и что отказать вамъ въ чемъ-нибудь для него все равно, что разрѣзать свое сердце пополамъ. Но онъ долженъ отказать вамъ въ вашей просьбѣ спросить какое-то существо, которое онъ называетъ своей змѣей (что это означаетъ, мистеръ Сомерсъ—я не знаю), когда бѣлый человѣкъ по имени Догита придетъ въ это мѣсто. Онъ говоритъ, что послѣ того, какъ мистеръ Куотермэйнъ посмѣялся надъ его гаданіемъ, онъ больше не станетъ заниматься имъ и скорѣе умретъ, нежели нарушить свое слово. Вотъ и все, мистеръ Сомерсъ.

—Скажите вождю Мавово,—отвѣтилъ Стефанъ (я замѣтилъ, что слово вождь онъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ),—что я понялъ все и очень признателенъ ему за подробное объясненіе. Потомъ скажите ему, что мы надѣемся только на него, такъ какъ у насъ нѣтъ другого выхода изъ создавагося положенія. Самми перевелъ эти слова на зулусскій языкъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, безъ всякихъ добавленій или комментаріевъ.

— Нѣтъ другого выхода,—повторилъ Мавово, понявъ табуку.—Въ такомъ случаѣ объ этомъ меня долженъ попросить самъ Макумазана. Макумазана—мой старый вождь и другъ. Для него я готовъ забыть то, о чемъ въ другомъ случаѣ долженъ былъ бы помнить. Если онъ придетъ ко мнѣ и безъ насмѣшки попроситъ меня примѣнить мое искусство на пользу намъ всемъ, я сдѣлаю это, хотя очень хорошо знаю, что онъ увѣренъ въ томъ, что прахомъ шевелитъ простой вѣтеръ, разбрасывающій его безъ всякаго значенія. Онъ, какъ и другіе мудрые бѣлые люди, забываетъ, что вѣтеръ, разбрасывающій прахъ, дуетъ въ наши ноздри и что для него мы тотъ же прахъ.

На минуту или двѣ я задумался. Слова Мавово да же тѣ, которыя я слышалъ въ искаженномъ переводѣ Самми съ его глупыми замѣчаніями, произвели на меня извѣстное впечатлѣніе. Кто я, чтобы смѣть судить Мавово и его необыкновенное дарованіе? Кто я, чтобы насмѣхаться надъ нимъ и своими насмѣшками высказывать убѣжденіе, что онъ обманщикъ?

Я прошелъ черезъ ворота въ изгороди и остановился передъ нимъ.

— Мавово,—сказалъ я,—я подслушалъ вашъ разговоръ и очень жалѣю, что смѣялся надъ тобою въ Дурбанѣ. Я не знаю, правда или ложь твое гаданіе, но я буду очень благодаренъ тебѣ, если ты воспользуешься своею способностью и узнаешь, если сможешь, придетъ ли сюда Догита и если придетъ, то когда.

— Хорошо, отецъ мой Макумазана. Сегодня вечеромъ я спрошу объ этомъ свою змѣю. Но я не могу заранѣе сказать, отвѣтитъ она или нѣтъ.

Онъ запросилъ свою змѣю съ надлежащей церемоніей и, по словамъ Стефана, присутствовавшего при этомъ (я отказался), это таинственное пресмыкающееся объявило, что Догита, онъ же братъ Джонъ, придетъ въ городъ Безу при закатѣ солнца на третій день, считая отъ этого вечера. Согласно нашему календарю, предсказаніе было сдѣлано въ пятницу; слѣдовательно, мы могли ждать брата Джона въ понедѣльникъ вечеромъ, приблизительно къ ужину.

— Хорошо,—коротко сказалъ я,—пожалуйста больше не говорите мнѣ объ этомъ вздорѣ, такъ какъ я хочу спать.

На слѣдующее утро мы распаковали наши ящики и выбрали нѣсколько великолѣпныхъ подарковъ для короля Бауси, надѣясь смягчить имъ его царственное сердце. Въ число ихъ входили: штука коленкора, нѣсколько ножей, музыкальная шкатулка, дешевый американскій револьверъ, связка зубочистокъ и, кромѣ того, нѣсколько фунтовъ самыхъ шикарныхъ бусъ для его женъ.

Эти богатые подарки мы послали королю съ нашими двумя слугами—мазиту Томомъ и Джерри, отправившимися подъ конвоемъ нѣсколькихъ воиновъ. Я надѣялся, что они расскажутъ своимъ соотечественникамъ, какіе мы хорошіе люди, и далъ имъ соотвѣтствующее наставленіе.

Но вообразите нашъ ужасъ, когда спустя около часа, какъ разъ въ то время, когда мы приводили себя въ порядокъ послѣ завтрака, въ воротахъ показались не Томъ и Джерри, такъ какъ они безслѣдно исчезли, а длинная вереница воиновъ мазиту, изъ которыхъ каждый несъ по одной вещи изъ посланныхъ нами королѣю. Послѣдній изъ нихъ несъ на своей лохматой головѣ связку зубочистокъ, словно это была большая вязанка хворосту. Одинъ за другимъ они разложили наши подарки на глиняномъ полу самой большой хижины. Потомъ ихъ начальникъ торжественно сказалъ:

— Великій черный Бауси не нуждается въ подаркахъ бѣлыхъ людей.

— Въ самомъ дѣлѣ?—раздраженно отвѣтилъ я.—Если такъ, то ему больше не представится случая получить ихъ.

Всѣ они ушли, не сказавъ больше ни слова.

Вскорѣ послѣ ихъ ухода явился Бабемба въ сопровожденіи около пятидесяти воиновъ.

— Король ждетъ васъ, бѣлые господа,—сказалъ онъ съ дѣланною веселостію,—я пришелъ, чтобы проводить васъ къ нему,

— Почему онъ не принялъ нашихъ подарковъ?—спросилъ я, указывая на возвращенныя вещи.

— Охъ, все это изъ-за Имбоцви, рассказавшаго о магическомъ щитѣ. Король говоритъ, что ему не на о подарковъ, которые опаляютъ волосы. Но собирайтесь поскорѣй. Онъ самъ все объяснитъ. Если Слона заставляютъ ждать, онъ начинаетъ сердиться и трубить.

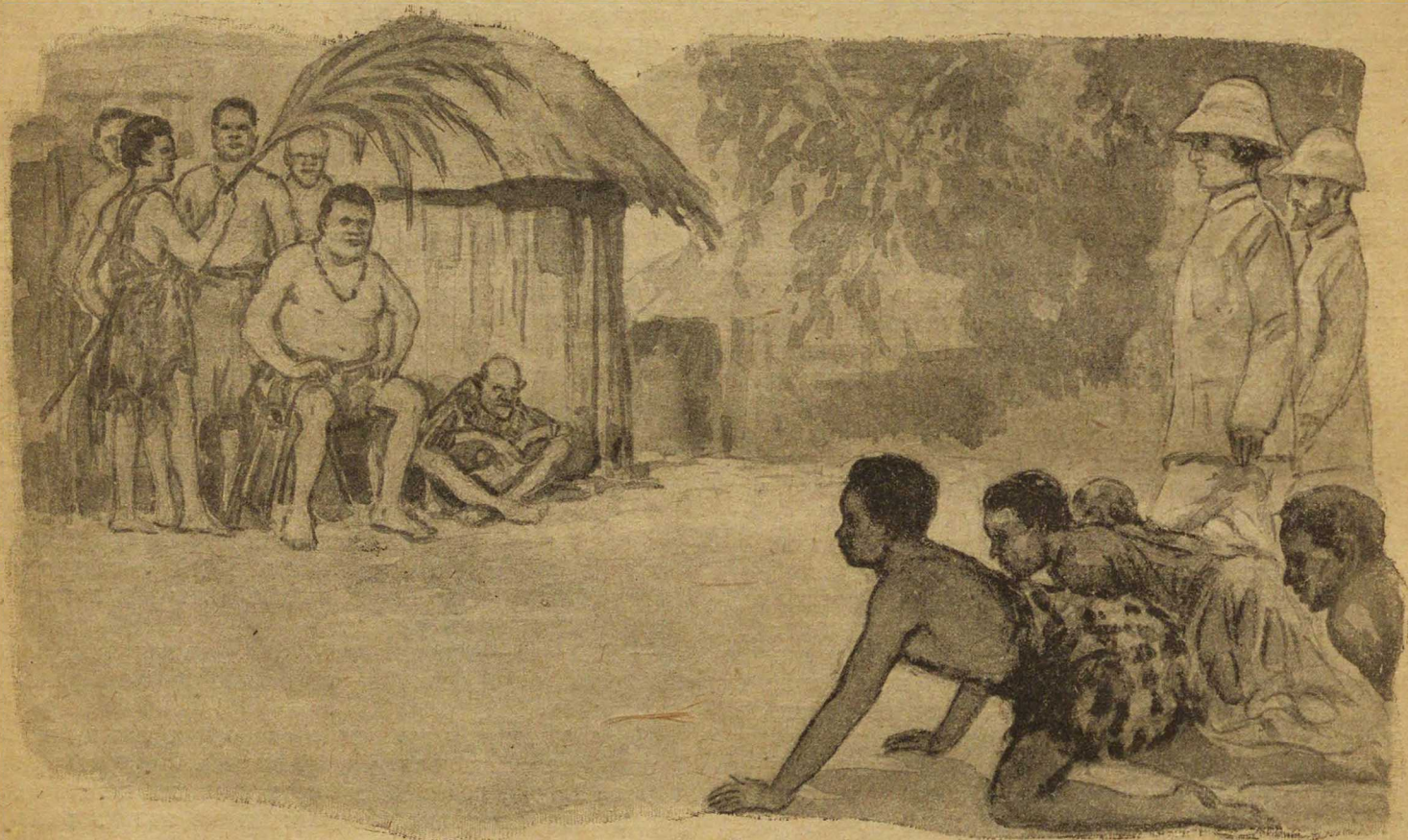
Это было весьма забавное шествіе, которое при другихъ обстоятельствахъ могло бы заставить меня смѣяться. Даже молчаливые мазиту, среди которыхъ мы шли, были, казалось, охвачены какимъ-то энтузіазмомъ. Очевидно, на нихъ дѣйствовали звуки «Милой родины», хотя два осла производили на нихъ, вѣроятно, гораздо большее впечатлѣніе, особенно, когда кричали.

— Гдѣ Томъ и Джерри?—спросилъ я Бабембу.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.—Я думаю, что они отпущены навѣстить своихъ друзей.

«Имбоцви постарался удалить свидѣтелей въ нашу пользу,—подумалъ я,—и больше ничего не сказалъ».

Мы достигли воротъ королевскаго дома. Здѣсь, къ моему ужасу, воины отобрали у насъ ружья, револьверы и даже охотничьи ножи. Тщетно я протестовалъ противъ этого, говоря, что мы не привыкли расста-

Мы медленно подвигались впередъ среди ползущихъ по землѣ людей.

— Вотъ какъ! А сколько насъ должно къ нему пойти?—спросилъ я.

— Всѣ, всѣ, бѣлый господинъ. Онъ желаетъ видѣть всѣхъ васъ.

— Я полагаю, кромѣ меня,—сказалъ Самми, стоявшій рядомъ.—Я долженъ остаться готовить обѣдъ.

— Нѣтъ, ты тоже долженъ идти,—отвѣтилъ Бабемба.—Король пожелаетъ увидѣть составителя священнаго напитка.

Дѣлать было нечего, мы пошли. Нѣтъ нужды говорить, что всѣ мы были хорошо вооружены. Едва мы вышли изъ хижины, какъ тотчасъ же были окружены воинами. Чтобы придать нашему шествію необыкновенный характеръ, я приказалъ Хансу идти впереди всѣхъ, держа на головѣ отвергнутую королемъ музыкальную шкатулку, изъ которой неслись трогательные звуки «Милой родины». Потомъ шелъ Стефанъ, несшій на палкѣ англійскій флагъ, потомъ я и охотники въ сопровожденіи Бабембы, потомъ смущенный Самми и два нашихъ осла, которыхъ вели мазиту. Кажется, король отдалъ особое приказаніе, чтобы они тоже были приведены къ нему.

Ватся съ нашимъ оружіемъ. На это послѣдовало отвѣтъ, что къ королю нельзя являться даже съ танцевальной палкой. Мавово и зулусы хотѣли оказать сопротивление. Я уже думалъ, что неизбежно столкновение, которое, конечно, закончилось бы нашей гибелью, такъ какъ, что мы могли бы подѣлать противъ вѣсколькихъ сотъ мазиту, хотя они и боялись нашихъ ружей? Я приказалъ Мавово не сопротивляться, но онъ въ первый разъ оказалъ неповиновеніе. Тогда мнѣ пришла въ голову счастливая мысль напомнить ему, что, согласно его предсказанію, придетъ Догита, и все будетъ обстоять хорошо. Онъ подчинился весьма неохотно.

Мы видѣли, какъ наши драгоценныя ружья были унесены неизвѣстно куда.

Послѣ этого воины ма иту сложили свои копья и луки у воротъ крааля, и мы отправились дальше, имѣя при себѣ только англійскій флагъ и музыкальную шкатулку, которая играла теперь «Британія правитъ волнами».

Мы прошли черезъ открытое мѣсто, гдѣ росло нѣсколько деревьевъ съ широкими листьями, къ большому туземному дому. Недалеко отъ дверей этого дома сидѣлъ на стулѣ толстый мужчина средняго возраста, имѣвшій

сердитый видъ. Онъ былъ почти голымъ, если не считать кошачьей шкуры, повязанной вокругъ его бедеръ, и нитки большихъ синихъ бусъ на его шеѣ.

— Король Бауси,—прошептала Бакемба.

Около короля сидѣла на корточкахъ горбатая фигура, въ которой я безъ труда узналъ Имбоцви, хотя онъ раскрасилъ свой опаленный черепъ бѣлымъ съ красными пятнами и украсилъ свой приплюснутый носъ пурпуровой нашивкой. Вокругъ короля стояла толпа молчаливыхъ совѣтниковъ.

По данному знаку, приблизившись на известное расстояние, всѣ воины, включая Бакембу, опустились на колѣни и начали ползти. Они хотѣли, чтобы мы сдѣлали то же самое, но я воспротивился этому, зная, что если мы сдѣлаемъ это одинъ разъ, то намъ придется ползати всегда.

Мы медленно подвигались впередъ среди ползущихъ по землѣ людей и, наконецъ, очутились передъ королемъ мазиту, «Прекраснымъ Чернымъ Бауси».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛОГОВА И НОРЫ ЗВѢРЕЙ.

Зоологическій очеркъ Б. Скубенко-Яблоновскаго.

Тигръ, караулящій добычу.

Логово тигра.

Манчжурскій тигръ является могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ другихъ его собратій — обитателей тропическихъ странъ.

Бенгальскій тигръ на много уступаетъ манчжурскому въ силѣ и ростѣ. Послѣдній — гигантъ, достигающій пяти аршинъ длины (включая хвостъ) и двадцати пудовъ вѣса. Передъ такимъ огромнымъ мощнымъ звѣремъ, взрослымъ на волѣ въ дремучихъ лѣсахъ манчжурской тайги — всѣ видѣнные нами въ звѣринцахъ тигры (даже наиболѣе крупныя) покажутся жалкими чахлами заморышами.

Шерсть манчжурскаго тигра вслѣдствіе суровости климата очень пушиста и густа, а на затылкѣ у него имѣется нѣчто въ родѣ гривы.

Этотъ гигантскій представитель кошачьей породы въ высшей степени хищенъ, хитеръ и въ то же время остороженъ во время погони за нимъ охотниковъ. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно или уходитъ въ непролазныя заросли, безслѣдно скрываясь въ нихъ, или же дѣлаетъ обходъ и внезапно нападаетъ на нихъ съ тыла.

Къ крупнымъ животнымъ тигръ подкрадывается неслышными шагами. Поступь его настолько упруга и вкрадчива, что не разслышавъ ея на самомъ близкомъ разстояніи — въ пяти, десяти шагахъ.

Обыкновенно, животное, котораго скрадываетъ тигръ, совершенно не подозреваетъ страшнаго врага и преспокойно продолжаетъ пастись въ то самое время, когда хищникъ уже готовится къ ужасному прыжку.

Ударомъ передней лапы въ голову крупнаго животного, какъ, напр., лося, буйвола или изюбря, тигръ мгновенно сваливаетъ его. Отъ этого удара не устоитъ на ногахъ никакое животное.

Убивъ свою жертву, хищникъ обычно тащитъ ее въ чащу и тамъ съ жадностью начинаетъ пожирать, время отъ времени отходя къ ближайшему ручью утолять жажду.

Хищникъ трощитъ кости своими зубами-рѣзцами съ такой страшной силой, что невольно становится жутко. Кажется, что кости дробитъ какая-то мощная стальная машина.

Тамъ, гдѣ есть скалистыя розсыпи, хаотически нагроможденные гранитные валуны, лютые хищники устраиваютъ свои потайныя логова.

По большей части, эти тигровыя убѣжища находятся на склонахъ скалистыхъ горъ, куда трудно пробраться охотнику.

Иногда хищникъ заноситъ въ логово остатокъ добычи, съѣденной имъ гдѣ-нибудь въ обширной долинкѣ или распадкѣ. На логовѣ трудно распознать тигра, благодаря желтому цвѣту скаль, какъ нельзя больше гармонирующему съ оттѣнкомъ шкуры хищника. Тигръ, какъ и любая изъ нашихъ домашнихъ кошекъ, любитъ лежать на солнцепекѣ. Растянувшись во всю длину, тигръ въ лѣтнюю пору подставляетъ жгучему солнцу свой бокъ, самодовольно вытягивая свои мощныя лапы съ страшными подвижными когтями.

Тамъ же, гдѣ царство камышей и тростниковъ (какъ, примѣръ, въ индійскихъ и персидскихъ джунгляхъ)

Манчжурскій тигръ въ камышевыхъ заросляхъ.

тигры устраиваютъ свои логова въ непролазныхъ крѣпяхъ. Дикая чаща эта для человѣка неприступна. Въ ней продѣлываетъ ходы только звѣрь. Бамбуковыя и тростниковыя заросли, наглухо перевитыя многолѣтними вьющимися растеніями, представляютъ собой сплошную стѣну. Въ силу этого ходы звѣря уподобляются длиннымъ тоннелямъ, съ безконечными лабиринтами. На сырыхъ мѣстахъ густой укрытія способствуетъ высокая болотная трава и камышевыя заросли, которыя, какъ и многолѣтнія вьющіяся растенія, не позволяютъ сдѣлать шага впередъ.

Въ такихъ неприступныхъ крѣпяхъ тигры чувствуютъ себя полными хозяевами, преспокойно отлеживаясь на мягкомъ логовѣ изъ сбившихся травъ.

Если охотникъ случайно приблизится къ логову тигрицы, имѣющей семью, то она сейчасъ же кидается навстрѣчу ему, заблаговременно пытаясь отвлечь вниманіе отъ своихъ дѣтей. Ярость тигрицы въ такихъ случаяхъ ужасна, и если охотникъ растеряется и не положитъ мѣткимъ выстрѣломъ хищницу на мѣстѣ, — онъ погибъ.

Самецъ при молодыхъ тигрятахъ не остается. Это всецѣло забота матери, которая съ величайшимъ усердіемъ занимается воспитаніемъ своихъ дѣтей. Къ осени она уже водить свое подросшее потомство на промыселъ, приучая тигрятъ скрадывать намѣченную добычу.

[Медвѣдь, потревоженный въ своей берлогѣ.]

[Берлога медвѣдя.]

Такъ какъ медвѣдь лежитъ на логовѣ въ продолженіе всей зимы, то естественно, что онъ немало заботъ удѣляетъ устройству своей постели.

Еще до снѣга Топтыгинъ облюбовываетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу свое зимнее логово. Внимательно присматривается онъ къ каждому крупному пню съ выворотомъ, а также къ берегамъ озеръ, рѣчекъ и ручьевъ, гдѣ много бурелома съ вывороченными корнями.

Любитъ медвѣдь устраивать берлогу по краямъ моховыхъ болотъ, гдѣ много ягодъ, и нерѣдко избираетъ для зимняго ложа небольшіе островки (достаточно возвышенные) среди болотъ, успѣвшихъ высохнуть за лѣто. Здѣсь, облюбовавъ выворотъ пня, Мишка принимается за расширеніе логова, усердно выгребая лапами землю и торфяникъ. Работаетъ осмысленно, предвидя всѣ зимнія невзгоды съ морозами и оттепелями.

Больше всего лѣсной великанъ опасается дождя. Мишка знаетъ по опыту, что ноябрьская осень не всегда морозна. Разверзятся «хляби небесныя», и цѣлые потоки воды могутъ потечь въ берлогу. Вотъ для этого-то мудрый Топтыгинъ и выбираетъ надежный навѣсъ, образовавшійся изъ приподнятой корнями дерева земли.

Однако, если лѣсного великана подмочитъ родю снизу, онъ сейчасъ же оставляетъ свое логово. Не сладко ему приходится въ такихъ случаяхъ. Сколько

трудовъ пропало даромъ! Расширяя берлогу, Мишка вѣдь заботливо натаскивалъ въ нее разную слянь изъ травы, мху и листьевъ, скусывая лишніе корни, торчащіе изъ земли и сглаживая стѣны своей землянки.

Гдѣ есть скалы и крупные камни, какъ на предгоріяхъ, медвѣдь охотно поселяется подъ нависшими глыбами. Если же найдетъ подходящую расщелину въ скалѣ, то глубоко забирается въ нее, чувствуя себя не хуже, чѣмъ въ землянкѣ. Но это относится къ медвѣдямъ, живущимъ въ гористой мѣстности. Въ нашихъ же огромныхъ лѣсахъ, растянувшихся по равнинѣ, Мишка всегда зимуетъ въ берлогѣ-землянкѣ. Помимо листьевъ, мха и болотной травы, постель нерѣдко состоитъ изъ вѣтокъ свѣже-наломанной хвои, метелокъ камыша, тонкой древесной коры, а подчасъ и изъ сѣна, за которымъ Топтыгинъ ходилъ къ ближайшему стогу, собранному крестьянами дальней деревни. Иногда же медвѣдь, не довольствуясь мягкостью лѣсной перины, обкладываетъ еще и всѣ стѣны берлоги длинными вѣтками хвои.

Тамъ, гдѣ водятся медвѣди, берлоги, ихъ можно предполагать гдѣ угодно, кромѣ лѣсныхъ площадей, покрытыхъ чистымъ крупнымъ строевымъ боромъ.

Если медвѣдя не потревожатъ въ берлогѣ, то онъ не встанетъ съ своей постели до самой оттепели. Въ противномъ же случаѣ лѣсной великанъ, изгнанный изъ землянки, становится бродягой. Такого медвѣдя промышленники называютъ «шатуномъ».

Шатаніе продолжается, однако, до тѣхъ поръ, пока медвѣдя преслѣдуютъ. Но какъ только преслѣдованіе кончилось, Топтыгинъ сейчасъ же избираетъ первую приглянувшуюся яму подъ выворотомъ пня или дерева.

Свалится Мишка подъ какую-нибудь колодину, сожмется въ кольцо, и снова дремлетъ до конца зимы.

Обычно же онъ, если его не тревожатъ, ежегодно направляется къ разъ избранной берлогѣ.

Иногда случается такъ, что Мишка незадолго до зимы вынужденъ бываетъ отказаться отъ облюбованной имъ съ осени берлоги, въ которой онъ уже успѣлъ устроить мягкую постель. Происходитъ это вслѣдствіе тревоги, не обнаружено ли логово охотниками. Недолго думая, медвѣдь подальше уходитъ отъ своего заботливо устроеннаго жилья и бродитъ, пока не найдетъ и не оборудуетъ новаго.

Какъ извѣстно, медвѣдь ложится на логово не только въ дремучей чащѣ, въ царствѣ хаотически нагроможденнаго бурелома. Нерѣдко лѣсного великана можно обнаружить на логовѣ вблизи проѣзжихъ дорогъ, а то и деревень — въ частомъ мелколѣсѣ. Пожалуй, никому и въ голову не придетъ, что тутъ гдѣ-то близко, всего въ верстѣ, а иной разъ и того меньше, привалился Мишка и преспокойно дремлетъ, грезя въ снахъ о далекой чаровницѣ-веснѣ, когда онъ выйдетъ изъ берлоги и съ жадностью накинется на только что проглянувшую на проталинкахъ первую травку. Нерѣдко можно узнать о близости берлоги по свѣже отломаннымъ вѣткамъ хвои и по такъ называемымъ «задирамъ» на стволахъ деревьевъ. Отломанныя вѣтки хвои пошли на медвѣжью постель. То же надо сказать и о древесной корѣ, содранной медвѣдемъ.

Нельзя не сказать о медвѣжьихъ «закусахъ». Гдѣ есть медвѣди, «закуси» или «забѣди», всегда можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ участкахъ. Объ этихъ «закусахъ» немало интереснаго сообщаютъ и наши умудренные опытомъ охотники-промышленники и натуралисты.

«Закуси» медвѣдь дѣлаетъ зубами на стволахъ деревьевъ не толще плотной человеческой руки въ плечѣ. Продѣлываетъ это Мишка на выпинѣ отъ полутора до двухъ съ лишнимъ аршинъ. Иногда онъ такъ сильно прихватываетъ зубами дерево, что отщепляетъ отъ

него изрядный кусокъ. Стволъ такого деревца, съ дражкой на высотѣ двухъ съ лишнимъ аршинъ, ясно бросается въ глаза на нѣсколько десятковъ шаговъ.

Какъ же объяснить эти «закуси» вблизи берлогъ? Какъ матеріалъ для берложной постели? Нисколько. Зачастую отщепину можно найти тутъ же, у подножія деревца. Тамъ же, гдѣ медвѣдь закусывалъ кору дерева «съ двухъ сторонъ», слѣды зубовъ его ясно видны, но кора не содрана.

Объясняютъ это промышленники такъ.

Медвѣдь показывается этими знаками другимъ звѣрямъ, что онъ хозяинъ въ этомъ лѣсномъ участкѣ.

О томъ же говорить извѣстный натуралист Томсонъ - Сетонъ. «Надкусывая кору деревьевъ, медвѣди тѣмъ даютъ знать своимъ сородичамъ о запрещеніи

Выпавшій обильный снѣгъ заваливаетъ отверстіе берлоги. Остается только, такъ называемое, «чело», т.-е. отдушина, черезъ которую и струится испареніе отъ тѣла медвѣдя, а также проходитъ воздухъ.

Когда затрещатъ лютые морозы, медвѣдь зачастую затыкаетъ отдушину изнутри вѣтками хвой.

Чѣмъ длиннѣе и глубже берлога, сплошь заваленная снѣгомъ сверху, тѣмъ незамѣтнѣе «чело», и нѣтъ по краямъ его такъ называемаго «кружака», т.-е. желтовато-бураго оттѣнка, образуемаго отъ сгущенныхъ испареній медвѣдя.

Гдѣ незамѣтно «кружака», тамъ возможно проѣхать на лыжахъ по двухаршинной толщѣ снѣга надъ самымъ медвѣдемъ, нисколько не заподозривъ о близости его.

Охотники передъ берлогой медвѣдя.

охотиться за добычей въ отмѣченномъ лѣсномъ участкѣ. И тутъ же добавляетъ: «Знакомые съ жизнью медвѣдя не станутъ отрицать этого факта».

И какъ утверждаютъ промышленники-медвѣжатники, другіе медвѣди, завидѣвъ «закуси» своего сородича въ извѣстномъ участкѣ, относятся съ полнымъ уваженіемъ къ его праву собственности и не станутъ здѣсь охотиться.

Дальше Томсонъ - Сетонъ развиваетъ мысль объ «инстинктѣ права собственности» на извѣстную площадь земли не только у медвѣдей, но и у волковъ, лисицъ и другихъ животныхъ.

Логова медвѣдей не одинаковы. Происходитъ это въ зависимости отъ характера почвы и другихъ условий. Мы находимъ берлоги и удлиненные и колодцеобразныя.

Болѣе умные, старые медвѣди не дѣлаютъ круглыхъ ямъ. Они всегда возможно дальше подрываются подъ колодину, и если есть вблизи берлогъ небольшія елки, обыкновенно подгрызаютъ ихъ у основанія такъ, чтобы деревца эти, свалившись на сторону, закрыли входъ въ берлогу.

Лежа въ берлогѣ, медвѣдь подбираетъ подъ себя заднія лапы. Между передними же кладетъ голову, уткнувшись рыломъ.

Чѣмъ глубже забирается медвѣдь въ свою берлогу, тѣмъ труднѣе заставить его покинуть ее. Такъ же крѣпко лежитъ въ глубокой берлогѣ подъ колодникомъ и медвѣдица съ своими дѣтьми.

Въ срединѣ зимы члены медвѣдя настолько успѣваютъ оцѣпенѣть, что поднять его съ логова стоитъ не малыхъ усилий. Долгая неподвижность сковываетъ медвѣдя.

Спячку лѣсного великана нельзя назвать «летаргіей». Это скорѣе дрема и притомъ во многихъ случаяхъ очень чуткая. Если бы не оцѣпенѣлость всѣхъ членовъ—естественный результатъ продолжительной неподвижности,—то потревоженный охотниками медвѣдь, навѣрное, очень быстро вырывался бы изъ-подъ снѣжной толщи наружу. Вотъ почему проходитъ немало времени, прежде чѣмъ медвѣдь разомнется и пуститъ въ ходъ свои затекшія лапы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДУША КОЛОКОЛА

(Китайская легенда).

Съ высокой башни храма льются нѣжные мелодичные звуки колокола: ко-нгай... ко-нгай... Эти серебристые звуки разносятся далеко по окрестностямъ Пекина, заставляя содрогаться рѣзныхъ драконовъ, укрѣпленныхъ на крышахъ безчисленныхъ домовъ

китайской столицы. Пятьсотъ лѣтъ уже раздается звукъ колокола и каждый день, когда звонъ колокола долетаетъ до слуха китайцевъ, большинство изъ нихъ набожно поднимаютъ глаза къ небу и тихо произносятъ слова молитвы.

Часто старики-китайцы вспоминаютъ легенду, связанную съ этимъ большимъ колоколомъ и въ часы вечерняго отдыха, когда только что замолкнуть въ воздухѣ трепетные звуки—*ко-нгай*, нерѣдко можно услышать, какъ какой-нибудь старый китаецъ рассказываетъ легенду о колоколѣ своимъ внукамъ. Эта легенда, простая по своему содержанию, полна душевной прелести и глубоко трогаетъ сердца простыхъ сыновъ Небесной Имперіи.

Вотъ эта легенда.

«Нѣкогда, болѣе пятисотъ лѣтъ тому назадъ, великій императоръ, Сынъ Неба, носившій имя Юнгъ-Ло, отдалъ приказъ своему мандарину Куэнь-Ю отлить большой колоколъ, звонъ котораго распространялся бы на двадцать верстъ кругомъ. Императоръ приказалъ смѣшать вмѣстѣ съ мѣдью свинецъ, золото и серебро, чтобы звукъ колокола былъ болѣе звонкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ и мягкимъ. Кругомъ колокола съ вѣншей стороны императоръ повелѣлъ начертать священныя изображенія и изреченія изъ священнаго писанія. Онъ отдалъ приказъ мандарину, чтобы, когда будетъ готовъ колоколъ, подвѣсить его въ главномъ храмѣ сѣверной столицы имперіи—Пекинѣ такъ, чтобы звуки колокола доносились во все углы обширной резиденціи Сына Неба.

Достойный мандаринъ Куэнь-Ю съ рвеніемъ принялся за исполненіе приказа своего великаго повелителя. Онъ собралъ лучшихъ литейщиковъ Небесной Имперіи и вмѣстѣ съ ними высчиталъ пропорціи мѣди, свинца, золота и серебра, необходимые для того, чтобы вышелъ звучный колоколъ. Литейщики и формовщики скоро принялись за дѣло и, работая безъ-устали, лили расплавленный металлъ въ форму.

Когда расплавленная масса металла застыла, форму разломали, и колоколъ освободили отъ песка и глины.

Мандаринъ Куэнь-Ю уже хотѣлъ его перевезти въ храмъ, но

старшій литейщикъ съ печалью повѣдалъ ему, что только отлитый колоколъ не будетъ звонить: мѣдь, свинецъ, золото и серебро не соединились вмѣстѣ и застыли отдѣльно. Мандаринъ съ трепетомъ доложилъ объ этомъ императору, и тотъ повелѣлъ немедленно же перелить колоколъ.

Однако во второй разъ получилось еще хуже и въ стѣнкахъ колокола образовались раковины и пустоты. Узнавъ объ этомъ, императоръ прислалъ Куйнь-Ю гнѣвное письмо, въ которомъ говорилось:

«Ты дважды не выполнилъ нашу волю и разгнѣвалъ божественныхъ нашихъ предковъ... Въ послѣдній разъ даю тебѣ приказаніе исполнить въ точности мое повелѣніе; если и на этотъ разъ ты сумѣешь отлить звучный колоколъ, знай, что ты долженъ будешь лишиться головы...»

Получивъ это письмо, Куэнь-Ю былъ глубоко опечаленъ и, затворившись у себя въ комнатѣ, горько сѣтовалъ на свою судьбу. Достопочтенный Куэнь-Ю не боялся смерти и безъ печали переселился бы въ страну предковъ, но онъ имѣлъ на своемъ попеченіи юную прекрасную дочь, у которой онъ былъ единственнымъ защитникомъ. Судьба дочери глубоко печалила его и заставляла страшиться казни, которой угрожалъ императоръ.

Душевное волненіе и тревога сердца передались юной дочери мандарина, и она явилась къ отцу своему со словами утѣшенія. Но, узнавъ причину горести отца своего, она также впала въ отчаяніе.

Горячо любя отца своего, дочь мандарина продала драгоценности свои и отправилась къ знаменитому астрологу, предсказателю будущаго, чтобы узнать, въ чемъ кроется неудача ея отца. Астрологъ послѣ долгихъ вычисленій отвѣтилъ дочери мандарина:

«Золото и свинецъ не сплавятся никогда, серебро и мѣдь не соединятся вѣдьки, такъ какъ противъ отца твоего возстали злые демоны, которые не хотятъ, чтобы въ столицѣ Небесной Имперіи былъ колоколъ, благовѣстъ котораго доносился бы до слуха всехъ жителей».

«Неужели нѣтъ средства спасенія?» воскликнула Прекрасная Цвѣтокъ,—такъ звали дочь мандарина.

Астрологъ пристально взглянулъ на дѣвушку и тихо проговорилъ:

«Чары злыхъ демоновъ будутъ безсильны, и колоколъ будетъ звучнымъ, если въ расплавленную массу металла бросить живую невинную дѣвушку. Невинная кровь дѣвушки разрушитъ чары демоновъ и поможетъ соединиться въ одну массу и мѣди и золоту и серебру и свинцу».

Дочь мандарина глубоко опечалилась, услышавъ такой отвѣтъ астролога. Но она скрыла печаль свою въ своемъ сердцѣ и вернулась домой.

Между тѣмъ, старый мандаринъ созвалъ снова литейщиковъ и заклиналъ ихъ не губить его старую голову. Послѣ общей молитвы литейщики снова принялись за приготовленіе къ отливкѣ колокола. На слѣдующій день, когда мандаринъ собрался на мѣсто отливки, его дочь попросила взять ее съ собою. Мандаринъ согласился и вмѣстѣ съ дочерью пришелъ къ литейщикамъ. Масса металла уже клокотала и обдавала жаромъ всѣхъ присутствующихъ. Старшій литейщикъ намѣревался было уже дать сигналъ рабочимъ, чтобы лить металлъ въ форму, но не успѣлъ онъ открыть ротъ, какъ дочь мандарина, Прелестный Цвѣтокъ, быстро направилась къ расплавленной массѣ металла и съ крикомъ, похожимъ на звонкую пѣсню лѣсной птицы, — «отецъ, ради любви къ тебѣ, жертвую собою!» бросилась въ пылающій сплавъ.

Крикъ ужаса и отчаянія раздался изъ груди старика мандарина и литейщиковъ; но этого крика уже не слышала юная дѣвушка: огненная масса поглотила ее моментально...

Старикъ-мандаринъ въ отчаяніи бросился было вслѣдъ за дочерью, намѣреваясь послѣдовать ея примѣру, но литейщики насильно удержали его. Онъ уналъ, потерявъ сознание. Слуги отнесли его въ домъ, а между тѣмъ литейщики принялись за отливку колокола. Литейщики не надѣялись и на этотъ разъ достигнуть благопріятнаго результата.

Но ихъ тревожныя ожиданія не оправдались. Когда металлъ застылъ и форма была разломана, они увидали цѣльный и однородный колоколъ, а когда этотъ колоколъ былъ подвѣшенъ, то звонъ его поразили всѣхъ своей чистотой и звучностью. Вмѣстѣ съ этимъ, въ звонѣ колокола звучали какія-то грустныя ноты, какъ будто кто-то глубоко тосковалъ.

«То плачетъ душа «Прелестнаго Цвѣтка», сказали подданные Сына Неба...

Исторія отливки большого колокола была записана, по повелѣнію императора, въ книгу Лѣтописи и память о прекрасной дочери мандарина, пожертвовавшей собою ради спасенія отца, еще и теперь живетъ среди сыновъ Небесной Имперіи.

«Отецъ, ради любви къ тебѣ, я жертвую собою!» — воскликнула дочь мандарина и бросилась въ расплавленный металлъ.

Еще и теперь, слыша замирающіе дрожащіе звуки большого колокола, плывущіе надъ старымъ Пекиномъ, матери-китайки шепчутъ своимъ дѣтямъ:

«Тихе, слушайте, какъ плачетъ душа «Прелестнаго Цвѣтка», юной дочери мандарина!»

ВЪ ЦАРСТВѢ СОЛНЦА.

Астрономическій очеркъ М. Набокова.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали сознательно относиться къ окружающей ихъ природѣ, они уже начали искать въ ней закономерность, старались отыскать общій порядокъ, управляющій міромъ. И едва ли не самымъ труднымъ оказалось для человѣчества познать звѣздныя законы — астрономію. Все здѣсь было крайне трудно и загадочно: и движенія планетъ, и кометъ, и солнца, и луны. Постепенно вырабатывая все болѣе и болѣе усовершенствованные методы наблюденія и изслѣдованія, идя тернистымъ путемъ предположеній, ошибаясь и снова сворачивая на вѣрный путь, ученые создали современную астрономію съ ея тонкими и точными наблюденіями, привлекли къ общей работѣ физику, давшую такой чудесный методъ изслѣдованія, какъ спектральный анализъ и фотографію. Теперь, когда астрономы не только могутъ точно опредѣлить положеніе и движеніе какого-либо свѣтила, но и могутъ сказать, изъ какихъ элемен-

товъ состоитъ оно, какова его температура и вообще физическое состояніе, рѣшились поставить и начать рѣшать вопросъ о томъ, что представляетъ собою міръ звѣздъ, нѣтъ ли тамъ какой-нибудь закономерности, не движутся ли звѣзды, подчиняясь какому-нибудь общему міровому закону.

И уже теперь выводы поражаютъ своей грандіозностью и широтой: звѣзды въ глазахъ современнаго ученаго уже не тѣ неподвижныя свѣтлыя точки, которыми онѣ казались грекамъ и арабамъ; нѣтъ: каждая такая точка — отдаленное солнце, имѣющее свои особенности, свою температуру, свое собственное движеніе, и общій законъ движенія всѣхъ звѣздъ уже намѣчается и вызываетъ представленіе о какомъ-то общемъ, міровомъ порядкѣ въ движеніи всѣхъ звѣздъ.

Но прежде, чѣмъ касаться этихъ вопро-

Кажущееся смѣщеніе звѣзды при обращеніи земли около солнца.

Система звѣздъ (которая для жителей земли представляется Млечнымъ Путемъ), какъ она видна съ отдаленныхъ звѣздъ.

совѣ, займемся той ближайшей задачей, которая давно уже интересовала человечество: какъ далеко отъ насъ находятся звѣзды, иными словами, нельзя ли представить себѣ ихъ распредѣленіе въ пространствѣ.

Вопросъ очень простой, и рѣшеніе его теоретически очень просто: надо опредѣлить, насколько перемѣщаются звѣзды на небѣ, когда земля въ своемъ движеніи около солнца занимаетъ діаметрально противоположныя точки. Это кажущееся смѣщеніе, именуемое въ астрономіи параллаксомъ, легко замѣтить на землѣ: представьте себѣ (и даже продѣлайте), что вы ходите по большому залу, совершая кругъ, и все время смотрите на одну изъ лампочекъ подвѣшенной къ потолку люстры. Лампочка будетъ видна въ различныхъ мѣстахъ въ зависимости отъ положенія наблюдателя. Зная геометрію, легко сообразить, что, имѣя уголъ смѣщенія и одну сторону треугольника, можно вычислить и разстояніе. Однако, теоретическая простота не всегда соединяется съ практической, и когда стали опредѣлять параллактическія смѣщенія звѣздъ, то ихъ не оказалось, т.-е. онѣ были настолько малы, что не поддавались опредѣленію. Отсюда слѣдовало, что разстоянія до звѣздъ громадны и не поддаются учету.

Тѣмъ не менѣе, попытки продолжались, и въ XIX вѣкѣ удалось уже найти разстояніе до нѣкоторыхъ звѣздъ. Съ тѣхъ поръ методы наблюденій улучшались, къ нимъ прибавились фотографическій и спектроскопическій, и къ настоящему времени уже хорошо извѣстны разстоянія около 400 звѣздъ, а остальные, несмотря на тонкость методовъ, все еще остаются неизвѣстными. Значитъ, большинство звѣздъ находятся отъ насъ на громадныхъ разстояніяхъ и лишь немногія изъ нихъ расположены недалеко отъ нашей планетной системы.

Если мы не можемъ изслѣдовать, положимъ, растеніе на всемъ лугу, то предполагая, что лугъ, вообще говоря, одинаковъ во всѣхъ своихъ частяхъ, мы можемъ выбрать лишь такой клочокъ луга, который можемъ охватить и, изслѣдовавъ распредѣленіе на немъ травъ и цвѣтовъ, предположить, что таково же распредѣленіе ихъ и на всемъ лугу. Такъ именно поступилъ астрономъ Эддингтонъ, выбравшій

Звѣздное скопленіе въ созвѣздіи Геркулеса

	Разст.	Темп.	Яркость. ?
Солнце	0,0	6000°	1,000
α Центавра	4,3	4000°	2,000
Lal 21185	8,2	3000°	0,009
Сириусъ	8,6	11000°	48,000
γ Кита	10,0	4000°	0,5
C.Z. 5 ^h 243	10,0	?	0,007
Прокіонъ	10,0	7000°	9,7
β Лебедя	10,5	4000°	0,1
P. M. 2164	11,0	4000°	0,006
Groom. 34	11,7	3000°	0,010
O. A. 17415	12,0	7000°	0,004
Krüg. 60	12,6	?	0,005
α Орла	13,6	11000°	12,3
γ Кассіопеи	16,4	7000°	1,4
Lal 21258	16,4	3000°	0,011
O. A. 11677	16,4	?	0,008
δ Дракона	16,4	4000°	0,5

Изъ этой таблицы мы видимъ, на примѣръ, что яркая звѣзда Сириусъ въ 48 разъ ярче нашего солнца, и что температура ея также много превышаетъ его температуру, а разстояніе до Сириуса такъ велико, что 15 лѣтъ нужно свѣтовому лучу, чтобы дойти отъ Сириуса до нашей планетной системы.

Итакъ, вотъ небольшая часть Космоса, которую мы выдѣлили изъ всего безконечнаго пространства: представимъ себѣ шаръ, діаметръ котораго свѣтъ отъ края до края можетъ пробѣгать лишь въ 33 года,

шестнадцать ближайшихъ къ намъ звѣздъ для выясненія интересующихъ насъ вопросовъ.

Приводимъ здѣсь перечисленіе этихъ звѣздъ съ указаніемъ ихъ разстоянія, температуры и яркости, при чемъ за 1 принята яркость солнца. Слѣдуетъ замѣтить, что разстоянія, въ виду ихъ громадности, неудобно приводить въ обычныхъ единицахъ длины, поэтому они выражены въ свѣтовыхъ годахъ, т.-е. за единицу разстоянія принято то, которое пробѣгаетъ свѣтъ (имѣющій скорость 300.000 км. въ секунду) въ теченіе одного года, т.-е. около 9.500.000.000.000 км.

Что касается температуры звѣздъ, то эта температура въ настоящее время опредѣляется спектроскопическимъ путемъ достаточно основательно, чтобы на эти данныя положиться въ предѣлахъ нѣсколькихъ сотенъ градусовъ.

Фотографія спиральной туманности въ Треугольнике, снятая на обсерв. Геркеса.

Фотографія туманности въ Андромедѣ. (Обсерв. Геркеса).

Фотография спиральной туманности въ Гончих Псахъ, снятая на обсерв. Геркеса.

въ центрѣ этого шара находится наше солнце и около него ютятся нѣсколько планетъ.

Эта планетная система очень мала, свѣтъ от солнца до отдаленнѣйшей планеты — Нептуна пробѣгаетъ всего въ 4 часа, такъ что для нашихъ ближайшихъ сосѣдей планеты не существуютъ: съ самой ближайшей изъ нихъ α Центавра солнце представляется лишь блестящей точкой — звѣздочкой, ничѣмъ не отличающейся отъ всѣхъ остальныхъ.

Всѣ эти шестнадцать солнцъ чрез-

вычайно разнообразны по своему физическому состоянию: есть очень горячія и, наоборотъ, есть и болѣе холодныя, есть очень яркія и, наоборотъ, есть и очень слабыя по яркости — однимъ словомъ, въ этой искусственно выдѣленной группѣ наше Солнце мы можемъ отнести къ числу обыкновенныхъ звѣздъ.

Мы совершенно почти не знаемъ размѣровъ этихъ солнцъ, но можно предполагать, что они не очень много отличаются отъ Солнца. Такъ какъ болѣе горячія звѣзды считаются болѣе молодыми, недавно лишь образовавшимися, то наше Солнце сравнительно еще не старое и много вѣковъ пройдетъ прежде, чѣмъ оно станетъ красноватымъ и дойдетъ до температуры въ 3000° .

Замѣчательно, что среди этихъ солнцъ 7 двойныхъ, т.-е. подъ однимъ наименованіемъ нашей таблицы мы должны разумѣть сразу два солнца, обращающихся одно около другого.

Наконецъ любопытно разсмотрѣть насколько же густо выбранное нами пространство заполнено космическимъ веществомъ. Представимъ себѣ, что мы захотѣли изобразить нашу сферу, матеріально принявъ масштабъ 1.000.000 клм. въ 1 миллиметръ, тогда шаръ имѣлъ бы діаметръ въ 30 километровъ, въ серединѣ его находилась бы булавочная головка, которая изображала бы наше Солнце съ пылинкой на разстояніи 14,9 см., изображающей землю; на разстояніи 4 килом. мы должны были бы помѣстить еще булавочную головку — ближайшую къ намъ звѣзду α

Центавра. Затѣмъ придется по различнымъ направленіямъ и на все большихъ разстояніяхъ помѣстить остальные 15 солнцъ.

Все пространство межъ ними пусто, вѣрнѣе лишь относительно пусто, т. к. въ немъ носятся по различнымъ направленіямъ кометы и цѣлыя группы небесныхъ камней, но размѣры послѣднихъ такъ малы, что въ нашей модели мы не могли бы ихъ увидѣть, если бы и воспроизвели, воспользовавшись даже мельчайшими изъ микроорганизмовъ, какъ матеріаломъ.

Можно теперь задаться вопросомъ, въ какомъ же отношеніи наша «пробная» сфера находится ко всему остальному міру звѣздъ, какую часть его она занимаетъ и всѣ ли образцы звѣздъ попали въ нее. На первый вопросъ мы отвѣтимъ ниже, на второй же сейчасъ же можемъ сказать, что «пробный» кусокъ вселенной мало отличается отъ всего остального міра. Въ глубинѣ небесныхъ пространствъ расположены все тѣ же солнца, образцы которыхъ мы уже видѣли, но, кромѣ того есть и случайно не попавшіе въ нашъ пробный кусокъ очень горячія, совершенно бѣлыя солнца, состоящія, главнымъ образомъ, изъ легкихъ газовъ (гелія) и, весьма возможно, очень большихъ размѣровъ. Тутъ и тамъ среди этихъ звѣздъ разбросаны свѣтящіеся клочки хаоса, видимые отъ насъ лишь въ видѣ туманныхъ пятенъ (туманностей), а иногда даже и несвѣтящіеся, холодные — все космическій матеріалъ, изъ котораго впоследствии черезъ сгущеніе образуются новыя звѣзды.

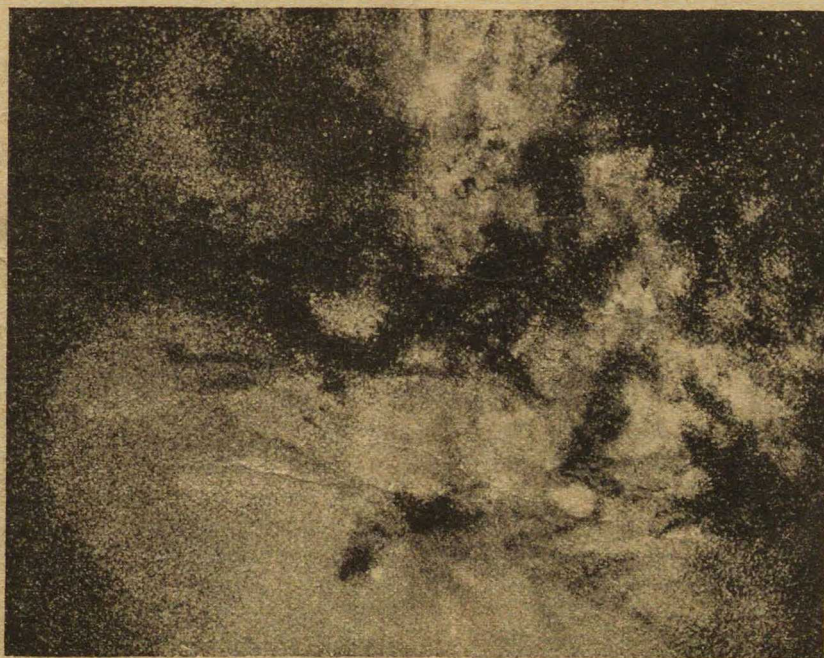
Во Вселенной есть и старыя, угасающія звѣзды, и молодыя, только что родившіяся, но всѣ онѣ въ общемъ состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же химическихъ элементовъ, и вся разница сводится къ тому, что одни болѣе, а другіе менѣе нагрѣты.

Вселенная обнаруживаетъ единство химическаго состава и единство физическихъ законовъ, т. к. отдаленнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ звѣздъ подчиняются все тому же закону всеобщаго тяготѣнія Ньютона.

Очевидно, изъ невообразимо-громаднаго

Фотография туманности въ созвѣздіи Лебедя, снятая на обсерв. Геркеса.

Млечный путь близь δ Офіуха.

куска первобытнаго хаоса получаютъ мѣстныя сгущенія, обращающіяся въ звѣзды, проходящія всѣ стадіи развитія, отъ бѣлаго каленія до краснаго, и обращающіяся снова въ холодную темную космическую матерію.

Звѣзда-солнце—лишь кусокъ организованнаго хаоса, къ которому можно бы примѣнить слова: «Хаосъ еси и въ хаосъ отыдеши».

Но помимо звѣздъ на небѣ всегда можно видѣть свѣтлую полосу Млечнаго Пути, которая даже въ самый сильный телескопъ не разлагается на отдѣльныя звѣзды, хотя иными путями доказано, что Млечный Путь только скопленіе безчисленнаго количества мелкихъ звѣздочекъ.

Млечный Путь въ исторіи открытія новыхъ звѣздъ, внезапно загорающихся на небѣ, играетъ не маловажную роль—большинство новыхъ звѣздъ появляется именно въ созвѣздіяхъ, близкихъ къ этой узенькой полоскѣ, опоясывающей все небо. Уже это одно показываетъ значеніе Млечнаго Пути въ зданіи Вселенной, а статистика звѣздъ показываетъ, что около Млечнаго Пути онѣ расположены гуще.

Изъ этихъ и другихъ фактовъ пришли къ выводу, что Млечный Путь представляетъ собою громадное скопленіе звѣздъ, имѣющее форму чечевицы, при чемъ около середины его находится наше Солнце. Естественно, что смотря изнутри, мы видимъ Млечный Путь въ видѣ свѣтлаго пояса; естественно, что около этого пояса оказывается больше звѣздъ, т. к. мы смотримъ сквозь большую толщу.

Такимъ образомъ, Млечный Путь оказывается той маленькой вселенной, внутри которой мы находимся, и

которую легче всего можно изучить. Размѣры этой группы звѣздъ такъ велики, что продольный діаметръ этой звѣздной чечевицы свѣтъ проходитъ въ 20.000 лѣтъ, а поперечный—въ 10.000 лѣтъ.

Если мы обратимся къ той модели, которую мы мысленно строили, когда разсматривали пробный кусокъ Вселенной, то намъ придется представить себѣ, что нашъ шаръ діаметромъ въ 30 клм. заключенъ въ другой, болѣе діаметръ котораго около 190.000 клм., а меньшій около 95.000 клм., т. е. величиной почти какъ земной діаметръ. Не слѣдуетъ только забывать, что это изображеніе Млечнаго Пути въ масштабѣ 1 миллиметръ 1 000.000 клм.

Что же дальше. Заключаетъ ли въ себѣ [Млечный Путь всѣ звѣзды или только часть ихъ? Несомнѣнно—нѣтъ. За этой системой въ безднахъ Вселенной расположены еще такія же системы. Тѣ слабо свѣгящіяся туманныя пятнышки, которыя въ телескопъ разлагаются на отдѣльныя звѣзды—такія же группы звѣздъ, какъ нашъ Млечный Путь, только удаленныя отъ насъ на невообразимо большія разстоянія. Если бы мы перенесли на эти отдаленнѣйшія звѣзды, то, наблюдая съ нихъ звѣздное небо, мы, можетъ-быть, усмотрѣли бы нашу систему въ видѣ такого слабого туманнаго пятнышка, среди звѣздъ котораго едва ли бы намъ удалось найти наше Солнце.

Это представленіе о строеніи Вселенной, созданное въ послѣднее время, пополняется еще изслѣдованіемъ движеній звѣздъ, показывающимъ, что въ этомъ громадномъ скопленіи есть намеки на общій законъ движенія, общій порядокъ.

ЧЕРНАЯ И БѢЛАЯ МАГІЯ.

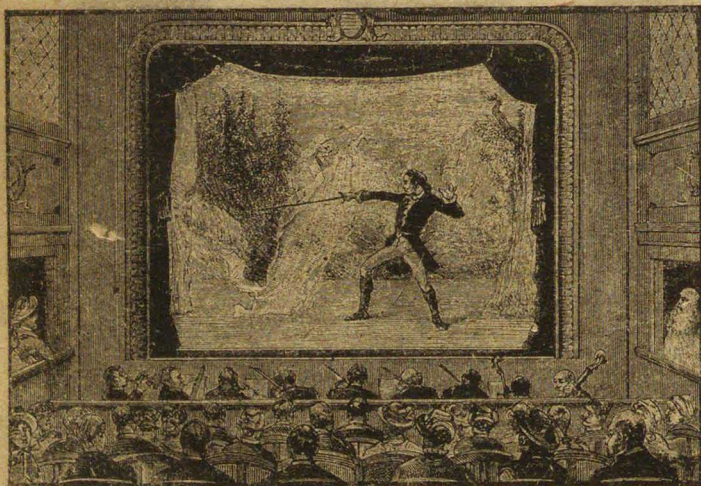
Очеркъ Н. Толстого.

Духъ на сценѣ. — Амфитрида. — Прозрачный турокъ. — Живая голова на блюдѣ. — Мгновенная переѣма костюма. — Превращеніе зрителя въ скелетъ. — Серены и кентавры. — Человѣкъ-змѣя. — Чревоущаніе. — Химія на сценѣ. — Волшебный кофейникъ. — Мороженое въ шляпѣ. — Выносливость человѣческаго организма. — Искусственная летаргія. — Погребеніе живого человѣка. — Вызываніе духовъ. — Наркотическіе пары. — Галлюцинація и дѣйствительность. — Китайскій способъ отдѣлываться отъ лишнихъ дѣтей. — Фокусъ съ майсовымъ деревомъ. — Общій результатъ черной и бѣлой магіи.

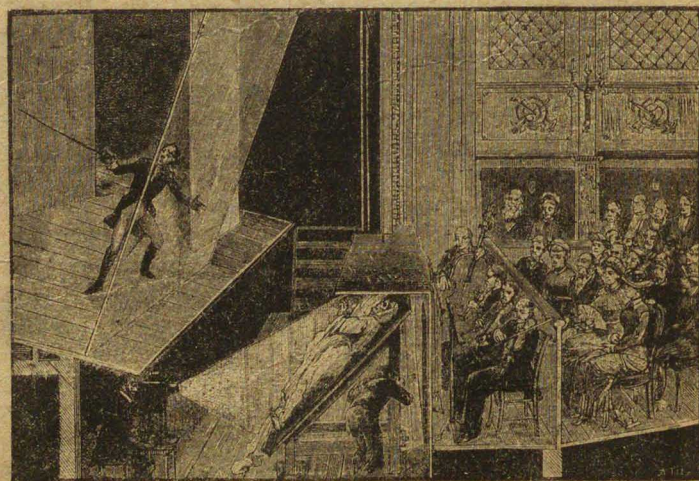
Только въ театрахъ, и притомъ специально для этого приспособленныхъ, могутъ даваться представленія фокусовъ, основанныхъ на преломленіи и отраженіи свѣта. Въ прежніе годы тѣнь отца Гамлета никогда не изображалась простымъ актеромъ, загримированнымъ подъ мертвеца. Въ стеклѣ отражался призракъ настолько прозрачный, что сквозь него видна была

декорація. Актеръ же оставался гдѣ-нибудь за кулисами или подъ сценой, и зеркало бросало его отраженіе на стекло, поставленное на сценѣ, которое само по себѣ оставалось незамѣтно.

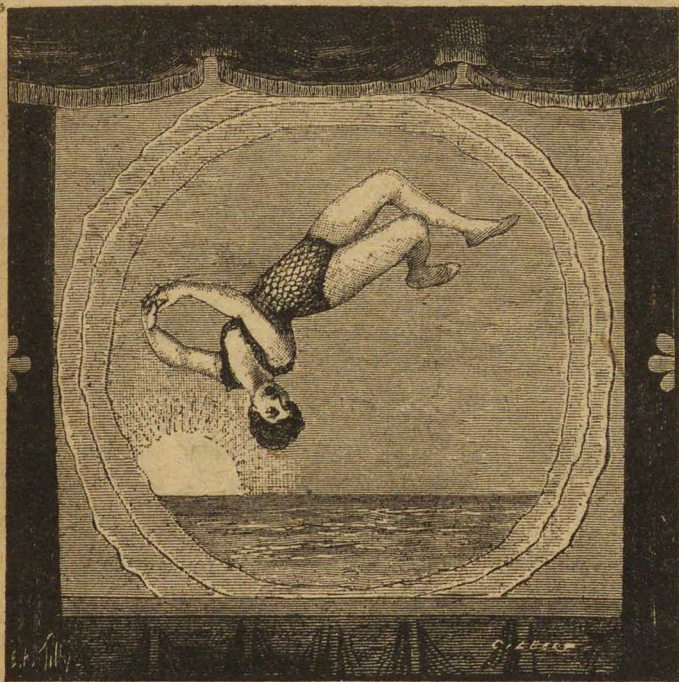
Существуетъ цѣлая серія оптическихъ фокусовъ, начинающаяся плавающей въ воздухѣ Амфитриды и кончающаяся прозрачнымъ туркомъ, показываемымъ въ музеяхъ. При

„Тѣнь отца Гамлета“ на сценѣ.

Разоблаченіе появленія тѣни.

„Амфитрида“ кажется висящей въ воздухѣ.

помощи зеркалъ и поставленнаго подъ угломъ въ 45° стекла, лежащая на стеклѣ „Амфитрида“ кажется висящей въ воздухѣ.

Прозрачный турокъ устроенъ на такомъ же принципѣ, какъ бинокль Цейса. Въ его широкомъ поясѣ помѣщаются зеркала, передающія отраженіе предметовъ, находящихся за его спиной.

Большой фуроръ производила въ свое время живая голова на столѣ, стоящемъ на трехъ ножкахъ. Между ножками были зеркала, скрывавшія туловище человѣка, тогда какъ столѣ казался сквознымъ. Въ Парижѣ въ каждомъ кабачкѣ Монмартра ежедневно даются подобного рода оптическія представленія. Цѣлая серія танцовщицъ оказывается моментально переодѣтыми изъ одного платья въ другое, что достигается посредствомъ быстрой замѣны изображенія одной партіи танцовщицъ въ зеркалѣ другой, въ другихъ костюмахъ.

Просятъ кого-нибудь изъ публики взойти на сцену. Онъ идетъ, садится на стулъ среди сцены и ждетъ, что будетъ дальше. Публика смѣется, потому что онъ самъ не видитъ, какъ въ стѣнкѣ за нимъ появляются различнаго рода субъекты, то осыпавшіе его золотомъ, то обливавшие его водой, то предлагающие ему панироу.

Въ «кабачкѣ смерти» приглашенный изъ публики превращается сначала въ мертвеца, затѣмъ съ него спадаютъ нѣжные покровы, обнажаются внутренности и наконецъ остается одинъ скелетъ. Затѣмъ происходитъ обратное превращеніе. Скелетъ одевается мускулами, обтягивается кожей, и мертвецъ оживаетъ. Иногда зеркала расположены такъ, что голову отражаетъ одно изъ нихъ, а туловище другое. Довѣрчивая особа изъ публики, рѣшившаяся взойти на эстраду, вдругъ оказывается въ полнѣйшемъ дезабилье или съ чужимъ туловищемъ. Такимъ образомъ демонстрируется человѣкъ-рыба, морская сирена, кентавръ, змѣя и тому подобныя мифическія существа: верхнее зеркало отражаетъ одну голову человѣка, а нижнее—туловище животнаго безъ головы. Эффектъ поразительный, особенно человѣка-змѣи. Весь секретъ въ томъ, чтобы оба отраженія сливались въ одномъ фокусѣ зрѣнія.

Акустика тоже имѣетъ свои фокусы. Чревоушаніе есть такого рода фокусъ, заключающійся въ томъ, что звукъ получаетъ силу, отражаясь отъ того предмета, къ которому обращенъ чревоушатель. Звукъ производится не «чревомъ», а гортанью, только глухо, съ едва замѣт-

нымъ раскрытіемъ рта. Это тоже искусство, но чаще особенность строенія горла.

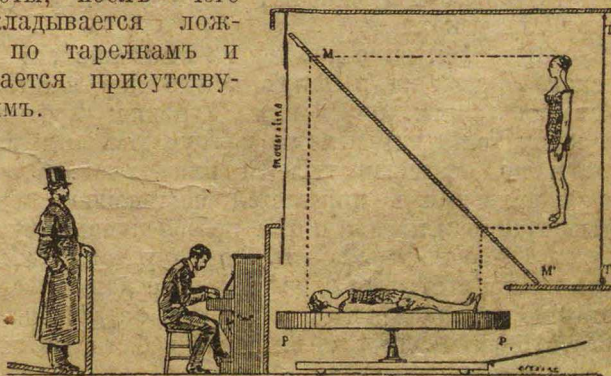
Умѣніе подражать звукамъ въ природѣ и голосамъ животныхъ тоже часто демонстрируется фокусниками и требуетъ особаго таланта, который встрѣчается у многихъ животныхъ, преимущественно у птицъ, на примѣръ, у попугаевъ. Одинъ фокусникъ подражаетъ звуку пиленія дровъ, другой—игрѣ на скрипкѣ. Эти таланты увлекаютъ публику и заставляютъ ее довѣрчивѣе относиться къ фокусникамъ, а фокуснику только этого и надо. Рѣдкій изъ нихъ любитъ устраивать сеансы и показывать свое искусство передъ скептически настроенными людьми.

Фокусникъ пользуется и химіей. Такъ, онъ превращаетъ вино въ воду и, наоборотъ, посредствомъ красящихъ веществъ заставляетъ закипать воду въ кофейникѣ, держитъ въ рукахъ и завариваетъ кофе, которымъ угощаетъ зрителей, при помощи нѣсколькихъ капель сѣрной кислоты, или дѣлаетъ мороженое въ шляпѣ при помощи эвипра. Каждый изъ этихъ фокусовъ требуетъ весьма тщательной подготовки и аккуратнаго исполненія.

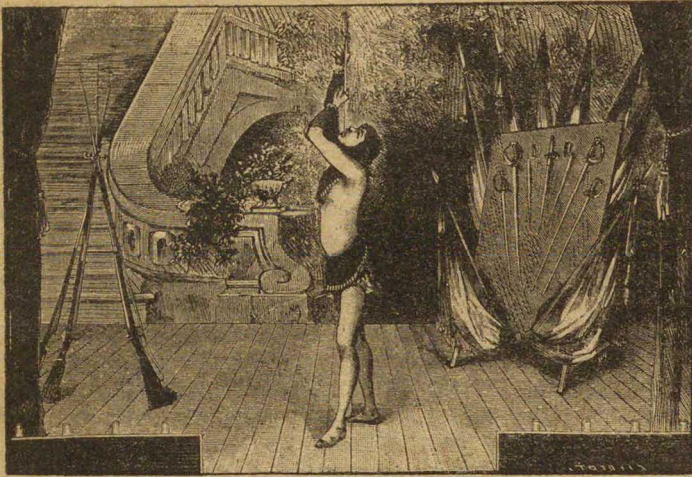
Объясненіе этихъ опытовъ для людей, знакомыхъ съ химіей, чрезвычайно несложно. Въ обоихъ стаканахъ, надъ которыми оперируетъ фокусникъ, налита вода, но въ одномъ, положимъ въ правомъ, опущена пластинка темнаго цвѣта, которая даетъ впечатлѣнія темной жидкости въ стаканѣ и которую фокусникъ ловко захватываетъ, когда снимаетъ покрывало. Когда же онъ накрываетъ оба стакана, то въ лѣвый незамѣтно опускаетъ щепотку эссенціи краснаго вина, которое моментально расходуется и поглощаетъ воду. Итакъ, на виду у всѣхъ темная жидкость становится безцвѣтной, обращается въ простую воду, а стаканъ съ водой оказывается съ виномъ, которое и на вкусъ даетъ ощущеніе вина.

Секретъ опыта съ кофейникомъ въ самомъ кофейникѣ, у котораго двойное дно и резервуаръ, наполненный нѣсколькими каплями кислоты. Фокусникъ даетъ потрогать холодный кофейникъ, наливаетъ въ него холодной воды, нажимаетъ кнопку, и сѣрная кислота устремляется въ налитую въ нижнее отдѣленіе воду, и при соединеніи съ ней нагревается сосудъ до 100° Цельсія. Вода въ верхнемъ отдѣленіи закипаетъ, нажимъ другой кнопки въ крышкѣ освобождаетъ шарикъ съ порошкомъ кофе, который падаетъ въ кипятокъ, распускается и заваривается, фокусникъ наливаетъ дымящійся кофе въ чашки и предлагаетъ зрителямъ и даетъ имъ потрогать кофейникъ, чтобы убѣдиться, что онъ сталъ горячимъ.

Мороженое въ шляпѣ дѣлается благодаря особому плоскостонному прибору, опускаемому въ любую шляпу съ двойнымъ дномъ. Въ нижней части охлаждаются сливки, а въ верхній наливается на глазахъ у публики молоко, взбиваются яйца, кладется сахаръ,—и все это мѣшается палочкой, пока не застынетъ до нужной густоты, послѣ чего раскладывается ложкой по тарелкамъ и раздается присутствующимъ.

Разоблаченіе фокуса съ „Амфитридой“.

Сеанс шпагоглотателя.

Самый простой опыт производится посредством соды и кислоты, незамѣтно опускаемыхъ въ стаканъ съ жидкостью. Такимъ образомъ фокусникъ въ одно мгновеніе можетъ предложить своей аудиторіи любую фруктовую воду (прибавивъ при этомъ эссенціи), кумысъ или шампанское.

При помощи жидкаго воздуха живые цвѣты дѣлаются хрупкими, какъ стекло, ртуть—твердой, какъ свинецъ, принесенныя и поставленныя на столъ блюда и напитки моментально превращаются въ камень. При этомъ чайникъ съ жидкимъ воздухомъ, поставленный на ледъ, начинаетъ кипѣть, такъ какъ температура льда гораздо выше температуры жидкости.

Опыты основанные на новѣйшихъ открытіяхъ науки, неистощимы. Впрочемъ, развѣ сами по себѣ лучи Рентгена, фонографъ, кинематографъ и телефонъ—не чудо? Мы только къ нимъ уже привыкли, и потому они насъ болѣе не поражаютъ. Но представьте себѣ фонографъ внутри автомата, который ходитъ, производитъ движенія руками и хотя бы играетъ въ шахматы? Или представьте себѣ экранъ съ флуоресцирующей (свѣтящейся) поверхностью и скрытые за публикой рентгеновскіе аппараты: по мановенію жезла фокусника свѣтъ исчезаетъ, и присутствующіе видятъ на экранахъ свои собственные скелеты!

Представьте себѣ, наконецъ, кинематографъ въ видѣ панорамы вокругъ площадки, на которой вы стоите. Я не понимаю, какъ до сихъ поръ еще не устроили подобнаго спектакля. Вѣдь тогда невозможно будетъ отличить, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается миражъ!

Понятно, что для этого необходимо совмѣстное дѣйствіе четырехъ или шести кинематографовъ, работающихъ одновременно.

Кто знаетъ, какіе сюрпризы готовитъ намъ еще наука и какъ ихъ можно будетъ использовать. Вѣдь въ свое время летающій монгольфьеръ (первый воздушный шаръ) казался чудомъ, и первый наполненный водородомъ цвѣтной резиновый шаръ доставилъ своему мастеру славу колдуна.

Нѣкоторые фокусы основаны на выносливости человеческого организма, на примѣръ, глотаніе шпаги, битого стекла, зажженной пакли. Дервиши протыкаютъ свою кожу толстыми иглами и ступаютъ голыми подошвами по остреймъ гвоздей или мечей. Кожа къ этимъ упражненіямъ пріучается постепенно, подошва покрывается мозолями, а кожа пріобрѣтаетъ нечувствительность. Что касается иглъ, то фокусники втыкаютъ ихъ въ прежнія отверстія, которымъ не даютъ зарости, и которыя они, обыкновенно, имѣютъ съ дѣтства.

Есть субъекты, которые пріучили себя не дышать въ теченіе четырехъ-пяти минутъ; такихъ немало среди водолазовъ и ловцовъ жемчуга. Есть такіе, которые бо-

лѣе мѣсяца могутъ оставаться безъ пищи. Иные самовольно погружаютъ себя въ летаргическое состояніе и ихъ въ такомъ видѣ зарываютъ въ землю, а затѣмъ откапываютъ и они оживаютъ.

Мы здѣсь уже находимся на границѣ черной магіи, такъ какъ здѣсь болѣе чѣмъ претидижитация, здѣсь есть самовнушеніе, элементъ психическій, не поддающійся матеріальнымъ измѣреніямъ.

Если даже въ этомъ фокусѣ существуетъ обманъ,—а кто можетъ ручаться, что его тамъ нѣтъ?—и зарытый человѣкъ черезъ подземные ходы получаетъ свободу и передъ тѣмъ, какъ его должны отыскать, его снова туда приносятъ, то и тогда этотъ номеръ не теряетъ своего значенія и представляетъ неменьшій интересъ.

Вѣдь все же субъектъ произвольно погружается въ летаргическій сонъ, хотя бы и на гораздо меньшій срокъ, на часъ или на два вмѣсто 12 дней. Какое значеніе теперь можетъ имѣть время, когда человѣкъ въ летаргіи. Вѣдь весь секретъ въ томъ, чтобы въ нее погрузить и изъ нея пробудить, вѣдь это чудо почти равносильно воскрешенію мертвеца!

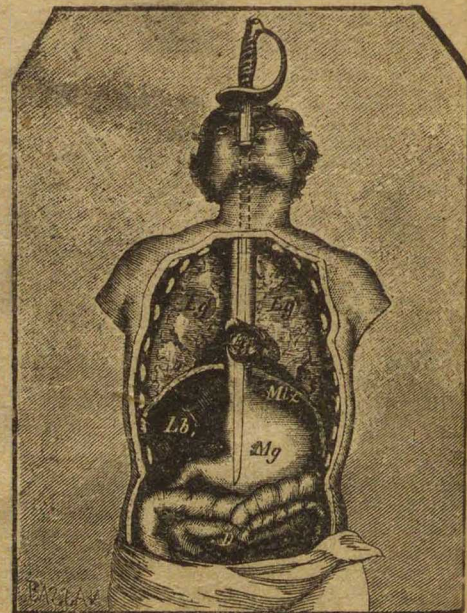
Въ черной магіи основнымъ элементомъ являются таинственные силы природы и человеческой психики.

Спиритизмъ тамъ, гдѣ нѣтъ шарлатанства и сознательнаго обмана—тоже черная магія. Путемъ внушенія можно заставить человѣка со слабыми нервами видѣть и слышать: во-первыхъ, все, что желаетъ гипнотизеръ, во-вторыхъ, все, что желаетъ онъ самъ. Для людей съ сопротивляющейся внушенію посторонняго лица волею существуютъ очень простыя средства, примѣняемые еще съ библейскихъ временъ: окуриваніе дурманящими (наркотическими) зелями. Надыхавшіе ихъ испареніями, человѣкъ утрачиваетъ стойкость мозговыхъ клѣтокъ, которыя тогда уже легко поддаются чужому вліянію, внушаемой или самовнушаемой имъ раньше идеи.

Появляется видѣніе—галлюцинація зрѣнія, слышится голосъ—галлюцинація слуха, ощущается прикосновеніе другого тѣла, дыханіе, вѣяніе вѣтерка, различные запахи—это галлюцинація вообще всѣхъ чувствъ человеческого тѣла, которое становится какимъ-то легкимъ и иной разъ кажется, что подымается на воздухъ. Это состояніе заканчивается сномъ или полной потерей сознанія, если наркозъ былъ слишкомъ силенъ, или если онъ былъ слабъ, то постепеннымъ возвращеніемъ къ нормальному состоянію.

Индійскіе фокусники, практикующіе черную магію, не только заставляютъ зрителей видѣть, слышать и ощущать чего нѣтъ, но и остаются совершенно слѣпыми, глухими и не чувствительными къ тому, что происходитъ въ дѣйствительности.

На глазахъ у публики яйцо превращается въ цыпленка, цыпленокъ въ пѣтуха, пѣтухъ въ кошку, кошка въ крокодила, крокодилъ въ корову, а корова снова въ яйцо. Если бы это все сплошь было галлюцинаціей, общее впечатлѣ-

Шпага, введенная въ пищеводъ и желудокъ.

ние, за массой частных, оказалось бы слабым. После сеанса публика смутно помнила бы подробности, как бы вспоминая видный ночью сон.

Нѣтъ, они дѣйствуютъ не такъ. Они достаютъ живого пѣтуха, показываютъ ручного крокодила, приводятъ настоящего теленка и, когда его демонстрируютъ, прекращаютъ чары. Поэтому даже тѣ изъ публики, которые почему-либо не поняли дѣйствія гипнотизма (находились вѣ стороны его вліянія, сосредоточенно мыслили о чемъ-нибудь другомъ, поглощены были собственными дѣлами и заботами или просто боролись съ чужой волей), убѣждались въ реальности явленій. То же и въ фокусѣ съ майсовымъ деревомъ... Въ концѣ-концовъ это дерево откуда-нибудь да появляется и до тѣхъ поръ не исчезаетъ, пока вся публика его не осмотритъ, при чемъ всегда кто-нибудь изъ присутствующихъ, большею частью изъ англичанъ, ухитрится сорвать съ него листочекъ на память.

Китайскіе факиры весьма часто, разостлавъ полотно, поражаютъ очарованную публику внезапнымъ появлениемъ на немъ поворожденнаго ребенка, котораго предлагаютъ взять на воспитаніе, или собираютъ въ его пользу деньги. Показавъ публикѣ настоящаго ребенка или подростка, гипнотизеръ ихъ незамѣтно удаляетъ и въ то же время возбуждаетъ въ умахъ присутствующихъ зрительное представленіе о ребенкѣ, галлюцинацію и, дѣйствуя на слухъ словами, заставляетъ ихъ видѣть, будто онъ прокалываетъ или рѣжетъ ребенка, бросаетъ его въ воздухъ и тому под. Затѣмъ видѣніе исчезаетъ и, въ концѣ-концовъ, публика не знаетъ, что было реальною и гдѣ начинался гипнозъ. А для «профессора» какъ «бѣлой» такъ и «черной» магіи оно и есть самое главное: обморочить публику. Онъ этого достигъ и доволенъ. Чѣмъ фокусъ удачнѣе, тѣмъ больше онъ соберетъ денегъ, такъ какъ искусство магіи его ремесло.

конецъ.

ГИГАНТСКАЯ РУЧНАЯ ПТИЦА.

Исторія новозеландской птицы моа.

Нашимъ читателямъ пришлось уже познакомиться съ чудесною повѣстью о томъ, какъ туземцы Патагоніи обратили въ домашнее животное гигантскаго лѣнница, одного изъ огромнѣйшихъ существъ, когда-либо ступавшихъ по землѣ. Всѣ мы знаемъ исторію прирученія слона, этого великана среди животныхъ. Теперь мы узнаемъ, что люди, столь же дикіе, какъ патагонцы—а именно предки теперешнихъ маорійцевъ—умѣли приручать крупнѣйшую изъ земныхъ птиц—ново-зеландскую моа.

Доказать вѣрность этой теоріи невозможно, такъ какъ очевидцевъ болѣе нѣтъ въ живыхъ; но директоръ Пиккурского Парка Новаго Плимута, въ Новой Зеландіи, мистеръ Смитъ лучше кого бы то ни было знакомый съ этимъ вопросомъ, считаетъ сохранившіяся доказательства достаточными, чтобы утверждать, что это было на самомъ дѣлѣ.

Смитъ сдѣлалъ нѣсколько экспедицій для разысканія останковъ этихъ птицъ и обогатилъ своими трудами многія научныя коллекціи Новой Зеландіи. Онъ опровергнулъ навсегда существовавшее мнѣніе, что птица моа вымерла до того еще, какъ въ Новой Зеландіи появились маорійцы, ибо онъ открылъ маорійскія глиняныя печи съ большими залежами костей этихъ птицъ поблизости, при чемъ тутъ же находились каменные топоры и иныя орудія, коими туземцы убивали и разрѣзали ихъ. Въ его рукахъ перебивало немало скелетовъ моа, погибшихъ въ горахъ отъ внезапно застигнаго ихъ снѣга, или въ болотахъ отъ неожиданныхъ наводненій. Всюду, гдѣ оказывались такіе скелеты, докторъ Смитъ озабочивался тщательно обыскивать окрестности, и неизмѣнно находилъ поблизости кучки гладко отполированныхъ камешковъ, иногда въ два съ лишнимъ дюйма длины,—камешковъ, которые эти птицы проглатывали, дабы перемалывать ими въ желудкѣ пищу, какъ жерновами.

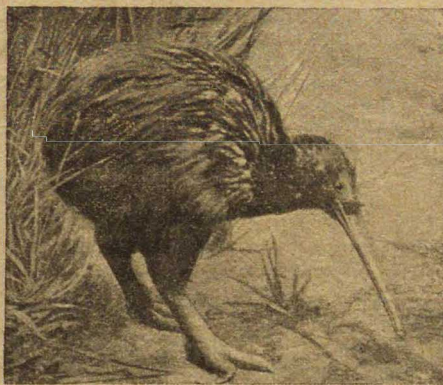
Въ округѣ Ольбери, въ Новой Зеландіи, встрѣчаются пещеры, въ которыхъ охотничьи племена прескивали сотнями лѣтъ и на стѣнахъ которыхъ сохранились

первобытные рисунки пещерныхъ жителей. Рисунки эти изображаютъ птицу моа, ея яйца и пр., оказывая близкое знакомство туземцевъ съ птицей и ея правами. На основаніи сохранившихся въ пещерахъ слѣдовъ Смитъ утверждаетъ, что моа была у маорійцевъ домашней птицей, какъ у насъ курица. Существовало нѣсколько разновидностей этой птицы, начиная съ гигантовъ въ 14—16 футовъ вышины и кончая значительно менѣе крупными экземплярами.

Теорія Смита, несмотря на ея новизну, не имѣетъ, однако, ничего невѣроятнаго. Она не болѣе удивительна, чѣмъ прирученіе страуса, первой по величинѣ птицы послѣ моа, и ужъ, конечно, менѣе поразительна, чѣмъ укрощеніе гигантскаго лѣнница неукротимыми патагонцами.

Единственнымъ въ мірѣ угнѣвшимъ потомкомъ моа является киви, маленькая безкрылая, длинноклювая птица, единымъ взмахомъ мощной своей лапы распарывающая животъ большой собаки.

Много времени пришлось потратить ученымъ, чтобы убѣдить остальное человечество въ возможности существованія такихъ птицъ, какъ моа, и весь міръ недовѣрчиво фыркалъ при упоминаніи о киви? А между тѣмъ, Смитъ водить киви—какъ домашнюю птицу, и описалъ это въ

Новозеландскій безкрылъ киви, потомокъ гигантской птицы моа.

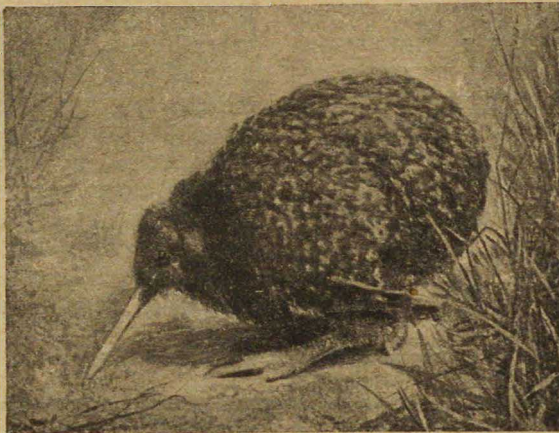
«Таранакской Газетѣ». Киви одинаково робка и свирѣпа. Она смертельно боится человѣка и всѣхъ дѣлъ его рукъ и бѣшено ударяется въ бѣгство при первомъ признакѣ пожара въ кустарникѣ, но это не мѣшаетъ ей оказывать яростное сопротивленіе нападающимъ на нее животнымъ. Тѣмъ не менѣе, Смитъ удалось приручить ее, по поводу чего онъ рассказываетъ любопытную исторію.

Раздобывъ самку киви, онъ озабочился прискаты для нея самца. Надо сказать, что самка у этихъ птицъ крупнѣе самца, и вѣсломощная особа, которой ея суженый не пришелся по вкусу, бросилась на него и чуть не заколотила его до смерти. Достали второго, но и этотъ получилъ изрядную трепку, прежде чѣмъ строитивая дама согласилась допустить его къ себѣ. Наконецъ

они мирно зажили вмѣстѣ, и въ свое время самка снесла два яйца. Забитый супругъ заблаговременно вырылъ ямку, въ которую закопалъ яйца на одну треть ихъ длины, и просидѣлъ на нихъ, день и ночь, въ теченіе цѣлыхъ четырехъ недѣль, между тѣмъ, какъ самка не обращала на него никакого вниманія. Наконецъ появился пушистый птенецъ съ невѣроятно длиннымъ розовымъ клювомъ; за нимъ на слѣдующій день послѣдовалъ другой. Какъ и всѣ безкрылыя птицы, малютки киви начали бѣгать и клевать, едва успѣвъ вылупиться изъ яйца. Теперь мать, въ свою очередь, взяла ихъ на свое попеченіе; бѣдняга же отецъ обратился къ этому времени въ такой комокъ костей, что только и дѣлалъ теперь, что откармливался и набирался силъ.

Подобно тому, какъ Дарвинъ любилъ гулять въ лѣсу, въ то время какъ молодая бѣлка бѣгала вверхъ и внизъ у него по спинѣ, такъ же и Смитъ усаживался въ тѣни загородки, гдѣ воспитывались киви, и тѣ влѣзали на него, какъ на старый пенекъ, и тыкали его туда и сюда длинными клювами. Птички были уже

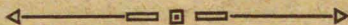
наполовину взрослыми, когда одной изъ нихъ перегрызъ шею и выпилъ кровь нѣкій пушистый звѣрокъ. Преступникомъ была одна изъ куницъ бѣлодушекъ, недавно ввезенныхъ въ Ново-Зеландію для того, чтобы киви успѣли научиться обороняться отъ нихъ. Зато

Новозеландскій безкрылъ киви. Меньше предыдущаго ростомъ, живетъ на южномъ островѣ.

второй птенецъ продолжалъ расти и развиваться, кормясь червями, добытыми самостоятельно или вырытыми для него заботливой матерью, въ придачу съ кормомъ, получаемымъ отъ Смиа, и къ пяти мѣсяцамъ былъ уже совсѣмъ взрослымъ. Тогда его выпустили въ паркъ, надъ которымъ онъ властвуетъ и по сию пору, являя собой необыкновеннѣйшую птицу въ мірѣ, предки которой, не дальше какъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, почитались въ Европѣ сказочными птицами, столь же фантастичными, какъ фениксъ или птица-рокъ моряка Синдбада. А между тѣмъ, если Смитъ сумѣлъ въ короткое время

приручить птицу киви, почему бы не допустить, что маорійцы, имѣвшие въ своемъ распоряженіи два-три столѣтія, ухитрились со своей стороны приручить и приспособить къ домашней жизни болѣе крупную птицу моа?

ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.

Исторія города Тобольска. Г. Тобольскъ, или, точнѣе, тобольскій острогъ, былъ основанъ еще въ XVI вѣкѣ, когда переселенцы Строгановы вошли въ соглашеніе съ казаками. Они рѣшили быть пионерами въ Зауральѣ, и перемѣшивъ плѣнныхъ литовцевъ и нѣмцевъ, съ казацкими шайками, превратили ихъ въ войско, грозное для азіатскихъ дикарей, не знавшихъ огнестрѣльнаго оружія и обходившихся на войнѣ стрѣлами.

Строганы и казакъ Ермакъ продѣлали такую же авантюру, какъ и Кортесъ и Пизарро въ Америкѣ. Но, забравъ рядъ сибирскихъ областей, они почувствовали, что удержать ихъ за собою не въ силахъ, и поклонились ими московскому царю Ивану Грозному. Грозный принялъ подарки: соболь, золото и камни и въ благодарность допустилъ побѣдителей къ своей рукѣ, а въ Сибирь назначилъ воеводъ, которые поѣхали туда «кормиться» съ соотвѣтствующей свитой.

Первые воеводы прибыли въ Сибирь, когда на престолѣ сидѣлъ уже слабый Федоръ. Воеводой назначенъ былъ нѣкій Сукинъ. Этотъ Сукинъ послалъ «письменнаго голову» Чулкова съ ратными людьми для «городового постановленія». Этотъ Чулковъ въ 1587 году, тамъ, гдѣ рѣчка Тоболъ впадаетъ въ Иртышъ, заложилъ острогъ и назвалъ его по имени рѣки—тобольскимъ. Такимъ образомъ, ровно 330 лѣтъ назадъ основанъ былъ Тобольскъ подъ именемъ «тобольскаго острога».

Чулковъ былъ человѣкъ энергичный. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ онъ поставилъ деревянные срубы острога и тутъ же позаботился о сооруженіи

церкви «Живоначальная Троицы». Черезъ семь лѣтъ вокругъ городка уже вырастаетъ посадъ, на подъемъ горы, на «взвозѣ», строятся еще церкви, а еще лѣтъ черезъ семьдесятъ Тобольскъ становится чуть ли не столицей края.

Появляется тобольскій митрополитъ, который на Вербной недѣлѣ, подобно московскимъ іерархамъ, устраиваетъ «пшестіе на ослиахъ»: самъ сидитъ съ крестомъ на бѣлой лошади, представляющей осла, и лошадь эту ведетъ на поводу воевода, подобно какъ въ Москвѣ держалъ поводъ самъ царь.

Тамъ стрѣльцы, а здѣсь казаки разстилали подъ ноги свои кафтаны и махали вербами. Колокола звонили, и «Входъ Господень въ Іерусалимъ» привлекалъ все населеніе области, какъ невиданное зрѣлище.

Весь городъ и церкви были деревянныя и горѣли, какъ обыкновенно горятъ всѣ города на Руси до сего дня.

Горѣли не нѣсколько домовъ, а и гостинный дворъ, и приказъ, и соборъ, и приходскія церкви, и острогъ, и сотни мірскихъ дворовъ. На счищенномъ огнемъ мѣстѣ сейчасъ же строили новый городъ, который стоялъ лѣтъ сорокъ—до новаго пожара.

Когда въ началѣ XVIII столѣтія, уже при Петрѣ, огонь уничтожилъ даже сторожевую башню на валу, рѣшено было построить каменный городъ. Плѣнными тогда были шведы, и вотъ ихъ-то и употребилъ для работъ первый сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ. Стѣны города были выведены зубчатые, съ круглыми башнями, увѣнчанными шатровыми верхами. Подъ ихъ защитой лѣнилось три съ половиной тысячи домовъ, конечно, деревянныхъ, и юрты подгородныхъ татаръ.

Стараясь точно во всемъ подражать Москвѣ, Тобольскъ сталъ строить каменный соборъ по точному образцу собора въ Дѣвичьемъ московскомъ монастырѣ. Когда соборъ почти уже былъ готовъ, новый каменный сводъ обр-

шился. Это было опять-таки послѣдовательно. Московскіе цари потому и выписывали «венецкіе» зодчихъ, что свои все выводили такіе стѣны, которыя разваливались прежде, чѣмъ постановлены были на кровлѣ купола. Такъ и сибиряки подражали градъ-столицѣ.

Мѣсто заточенія бывшей царской семьи. Бывшій царь Николай Романовъ проживаетъ теперь въ гор. Тобольскѣ, въ домѣ губернатора.

Но ожидается переселеніе его со всею семьей въ Абалакскій Знаменскій монастырь, въ Тобольскѣ, на правомъ берегу р. Иртыша.

До завладѣнія Сибири Ермакомъ Тимофеевичемъ, на мѣстѣ этого монастыря былъ раскинутъ татарскій городокъ—крѣпость Абалакъ, получившій свое названіе отъ имени татарскаго князя Абалака, сына князя Мира.

Съ трехъ сторонъ монастырь окруженъ рвами и земляными валами, вѣнчаетъ Ермакъ, а съ четвертой стороны обрывается кругой—до 25 саженъ высоты—берегъ Иртыша.

Монастырь очень живописенъ. За р. Иртышъ открывается чудный сибирскій ландшафтъ, а вдали виднѣется тюменскій трактъ. Монастырь обнесенъ со всѣхъ сторонъ высокой каменной стѣною.

Въ монастырь ведутъ двое воротъ—на восточной и на западной сторонѣ. Ворота пышно украшены живописью.

Во дворѣ монастыря раскинуты цвѣтники и аллеи деревьевъ. Много столѣтнихъ елей, раскидистыхъ кедровъ и другихъ рѣдкихъ растений далекаго сѣвера.

Внѣшній видъ храма и колокольни величавъ. Настоятельскія и братскія келліи отличаются скромною монашескою простотою. Только лѣтъ 30 тому назадъ бывшій тобольскій преосвященный Евлампій построилъ для себя каменный корпусъ живописной архитектуры. Этотъ-то корпусъ, вѣроятно, и будетъ предоставленъ въ пользованіе бывшаго царя и его семьи.